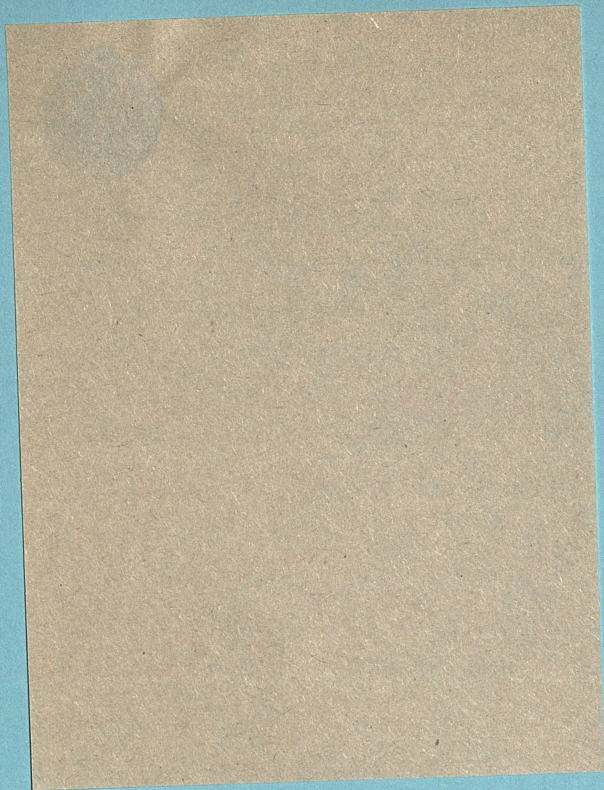

II 2135973

В.Л. Семенов

**ВЕРА
ИНТЕЛЛИГЕНТА
БЕССОНОВА**

Пермь

В.Л. Семенов

**ВЕРА
ИНТЕЛЛИГЕНТА
БЕССОНОВА**

Пермь 2019

УДК 94(470.53)

ББК 63.3(2Рос-4Пер) - 8

С 30 2

**Семенов В.Л. Вера интеллигента Бессонова. – Пермь:
Изд. Богатырев П.Г., 2019. – 122 с.**

В книге освещается жизнь Т.В. Бессонова, одного из тех интеллигентов, которые занимали своеобразную общественно-политическую позицию, выразившуюся в том, что они, с одной стороны, никак не выступали против Советской власти, а с другой, – не верили в возможность построения коммунизма в нашей стране. В результате жизнь таких интеллигентов проходила в значительной степени отстраненно от жизни советского общества.

Книга предлагается вниманию всех интересующихся историей социалистического общества в нашей стране.

// 2135973

Пермская краевая
БИБЛИОТЕКА
им. А.М.Горького

© Семенов Владимир Львович, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьбы российской интеллигенции при социализме были сложными, а порой и драматичными. Они характеризовались диктатурой пролетариата и, следовательно, полным запретом всякого свободомыслия, которое мотивировалось тем, что новый общественный строй являлся единственно справедливым, и потому не допускал никакой оппозиционности со стороны каких бы то ни было общественных сил.

Поэтому часть российской интеллигенции, политически определившаяся еще до Октябрьской революции, связавшая свою судьбу с партией кадетов, начала борьбу против социализма и была вынуждена разделить судьбу белого движения. Она была частично уничтожена в ходе этой борьбы, часть ее после разгрома белых армий была вынуждена эмигрировать и доживать свою жизнь за рубежами нашей родины, мечтая со временем о возвращении домой, внимательно следя за теми процессами, которые происходили в нашей стране.

Значительная часть интеллигенции вынуждена была встать на службу советской власти и верно служить ей. Наконец, часть интеллигентов, вынужденных служить советской власти, в глубине души были не согласны с ней. Но, не выступая против нее, интеллигенты с напряженным вниманием ждали, когда же власть, наконец, освободившись от присущих ей жестокостей, начнет двигаться в направлении к свободному, демократическому обществу.

Движение российского общества в этом направлении было серьезно затруднено большим террором 1937–1938 годов, который уничтожил не только оппозиционных по отношению к социализму интеллигентов, но и значительную часть тех, которые верой и правдой служили социализму.

Наряду с ними существовала незначительная группа интеллигентов, которые не боролись против социализма и внешне даже поддерживали его, но в глубине души они не верили в его прочность и устойчивость и, казалось, с непостижимым упрямством ждали, когда же, наконец, придет для них настоящий день.

Об одном из таких интеллигентов – Тимофее Васильевиче Бессонове (1893–1984) и его жизненной судьбе и повествуется в предлагаемой вниманию читателя книге.

По своим взглядам, по своему поведению он отдаленно напоминал выдающегося гуманиста, борца за мир, лауреата международной Нобелевской премии Альберта Швейцера, но только напоминал. Они несоизмеримы по масштабам своей деятельности, как теоретической, так и практической. Данная несоизмеримость результатов обуславливается как различной талантливостью этих людей, так и условиями их существования в социуме.

Если А. Швейцер жил в условиях западноевропейского свободного общества и мог свободно излагать свои философские, социологические религиозные, искусствоведческие идеи, то Т.В. Бессонов большую часть своей сознательной жизни прожил в условиях диктаторского сталинского режима, он мог развивать только те идеи, которые были необходимы правящей сталинской верхушке. Он боялся говорить и писать что-либо, что выходило за рамки генерального курса партии. Его жизнь проходила в противоречии между желанием высказать что-то свое и между невозможностью это сделать, опасаясь за целостность своей жизни. Поэтому он вынужден был проводить свою жизнь, находясь в положении своеобразного аутсайдера, исключенного из активной политической и общественной жизни страны.

Общим для А. Швейцера и Т.В. Бессонова было то, что они оба высшей ценностью считали человеческую жизнь. А Швейцер выдвинул своеобразный принцип «благоговения перед жизнью», который включал в себя все, что способствует ее процветанию и развитию. «Благоговение перед жизнью» должно было, по мысли А. Швейцера, стать основой

этического обновления человечества, основой для выработки норм универсальной космической этики.

А. Швейцер мог себе позволить отстаивать идею свободного и нравственного индивида. Он выступал против господства «всеобщего» над «конкретным, личным», свободно противопоставлял два жизненных принципа: воли как выражения свободного и нравственного существа человека; и знания как такого отношения к жизни, в основе которой лежит стремление к подчинению внешней необходимости. А. Швейцер считал, что понимающее отношение к миру приводит к скептицизму, выражающему духовное банкротство цивилизации.

В условиях социализма говорить, а тем более писать о превосходстве индивида даже в любых конкретных случаях было невозможно. За это в годы сталинского режима можно было поплатиться жизнью. Социалистическая и коммунистическая идея, безусловно, довели и господствовали над всем. Всякое противопоставление индивидуального всеобщему, как основной принцип социализма в общественной жизни, было опасным, так как расценивалось как выступление против господствующего в стране общественного строя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Находясь в условиях сталинского режима, человек мог думать преимущественно о том, не противоречит ли то или другое его высказывание любым принципам социализма, иначе последует наказание.

Мы, конечно, далеки от утверждения, что в других социальных условиях Т.В. Бессонов мог бы стать таким, как А. Швейцер. Отнюдь нет. Но все-таки он мог бы стать более активной и более значительной личностью, чем он являлся в условиях жизни в государстве диктатуры пролетариата.

Раскрепощенная, свободная личность могла бы проявить себя более адекватным ее способностям и задаткам образом. Но этого не могло произойти в условиях диктаторского режима, который значительную часть XX века господствовал в стране, уродуя и сдерживая развитие многих талантливых людей.

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ БУДУЩЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Тимофей Васильевич Бессонов родился в конце XIX века в селе Воронино Кунгурского уезда Пермской губернии.

Его отец, Василий Дорофеевич, был священником в местной церкви, а мать, Александра Георгиевна, была дочерью дьякона этой церкви. В семье было четверо детей. Тимофей был старшим из них. Оба его младших брата погибли в Первую мировую войну. Сестра Таисья вышла замуж за электросварщика и проживала в городе Кунгуре.

«Годы моей учебы в Кунгурской мужской гимназии, — рассказывал Тимофей Васильевич, — были прерваны революцией 1905 года, когда, будучи еще несмышленным четвероклассником, наслушавшись рассказов о борцах за справедливость, я принял участие в революционном движении: таскал восставшим рабочим Кунгурских железнодорожных мастерских патроны и бомбы. Был пойман и на год исключен из гимназии. После всех неприятностей с отцом, после моего освобождения, решил не продолжать учебу в гимназии, а овладеть каким-либо ремеслом и самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Моя тетя, сестра матери, Клавдия Георгиевна, имела небольшую швейную мастерскую. Я решил овладеть этим, как мне тогда казалось, хорошим мастерством. Договорившись с тетей и родителями, я в течение трех месяцев обучался тайнам швейного мастерства. Родители неохотно согласились с моим самоопределением.

Мое учение швейному мастерству шло с разным успехом. Вначале у меня не получались различные закругления. Мне не хватало терпения, чтобы абсолютно ровно выводить

их, чтобы машинные швы были ровными и гладкими. Но, в конце концов, после длительных усилий и усидчивого внимания у меня все стало получаться.

Тетя как-то сказала матери:

– Я уж думала, из парня ничего не получится, не удастся ему освоить швейное мастерство. Но теперь, слава Богу, могу тебе сказать, что он преодолел все трудности и полностью овладел нашим мастерством.

– Спасибо тебе, сестра, за это. Век не забуду твоей помощи ему, – ответила ей моя мать.

– Теперь он сможет самостоятельно работать, не нуждаясь в моей помощи, – сказала тетя.

– Моя благодарность тебе будет за это до конца моей жизни, – ответила мать.

Прошел год, и я, по настоянию отца, снова поступил в гимназию и через четыре года окончил ее.

После этого, через год, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Однако здесь повторилась старая история – я вновь приобщился к революционному движению, и вновь был исключен из этого учебного заведения.

Это произвело на меня такое неприятное впечатление, что я решил больше не учиться, а работать. Я уехал в свое родное село Воронино и занялся портняжным ремеслом. Вместе с тем решил выхлопотать в университете документ, дающий мне право на преподавание в народных училищах.

Такой документ мне удалось достать, и затем уже в течение всей жизни я занимался с крестьянскими детьми, учил их грамоте. Работа доставляла мне удовлетворение. Часть крестьянских детей с удовольствием учились грамоте, а их родители меня уважали за это.

Одновременно я решил не забрасывать швейное мастерство, которое служило для меня добавочным источником дохода, перейдя на пошив индивидуальной одежды. Однако этим ремеслом мне не пришлось долго заниматься: через два года летом началась Первая мировая война. Меня сразу же взяли в армию.

Здесь я попал в артиллерию. Мне пришлось участвовать в ряде жарких и горячих сражений на Румынском фронте в 1916 году. Бои были такими страшными, что я не думал уцелеть. Однако, как говорят, Бог миловал, я уцелел. На Румынском фронте я принял участие в артиллерийской дуэли, в которой участвовало 20 батарей с той и другой стороны. Это был такой ад, который редко бывает даже на войне. Горели не только земля и воздух, но и вода в реке. После этого сражения те бои, в которых я участвовал, представлялись мелочью, не заслуживающей внимания.

Вначале я был помощником наводчика. Подносил снаряды к орудиям, направлял их в затвор. Потом стал наводчиком и показал себя с положительной стороны в ряде боев.

После Октябрьской революции примкнул к большевикам, в Красной Армии стал командиром взвода, боролся в ее рядах только в период Гражданской войны. В составе наступающих частей Красной Армии освобождал от колчаковцев Урал летом 1919 года.

Помню приезд Троцкого на фронт и его выступление перед красноармейцами на площади станции Верещагино. Говорил он очень хорошо. Ставил задачи хлестко и понятно. Его звонкий голос баритонального тембра был слышен целому полку, стоявшему на площади перед ним.

Рассуждая о сущности пролетарского режима, он говорил о том, что достигнуть власти «пролетариат может, только опираясь на национальный подъем, на общенародное воодушевление. Пролетариат вступит в правительство, как революционный представитель нации, как признанный партией вождь в борьбе с абсолютизмом и крепостным варварством. Но, став у власти, пролетариат откроет новую этику — этику революционного законодательства, положительной политики, — и здесь сохранение за ним роли признанного выразителя нации вовсе не обеспечено. Первые мероприятия пролетариата — очистка авгиевых конюшен старого режима и изгнание их обитателей — встретят деятельную поддержку всей нации, что бы ни говорили либеральные кастраты о прочности монархических предрассудков народных масс. Полити-

ческая расчистка будет дополняться демократической реорганизацией всех общественных и государственных отношений. Рабочему правительству придется под влиянием непосредственных толчков и запросов вмешиваться решительно во все отношения и явления... Первым делом оно должно будет вышвырнуть вон всех запятнавших себя народную кровью из армии и администрации, распустить или раскассировать наиболее запятнавшие себя преступлением против народа полки. Эту работу необходимо будет выполнить в первые же дни, то есть задолго до того, как возможно будет провести систему выборного и ответственного чиновничества, и приступить к организации народной милиции. Но ведь на этом дело не остановится. Перед рабочей демократией немедленно предстанут: вопрос о норме рабочего времени, аграрный вопрос и проблема безработицы».

Помню, как он громовым голосом закончил свою речь: «Даешь Урал!» И мы, как сумасшедшие, кинулись на колчаковцев и погнали их безостановочно через Урал в Сибирь. Причем он выступал перед красноармейскими частями неоднократно, и это способствовало подъему боевого духа красноармейских частей. Конечно, главную роль тут играло численное и техническое превосходство красноармейских частей: у них было больше орудий, пулеметов, бронепоездов, что обеспечило их победоносное наступление и освобождение Урала летом 1919 года.

Богатое сибирское крестьянство, не знавшее помещиков и крепостного права и выступившее против диктатуры Колчака, после занятия Западной Сибири Красной Армией стало выступать и против советской власти. Эти выступления жестоко подавлялись. Я был свидетелем жестоких, бессудных расстрелов не только руководителей этих мятежей, но и их рядовых участников. Все это заставляло меня размышлять над тем, что представляют собой советская власть, диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства и другие ключевые понятия в идеологии большевизма. Эти размышления привели меня к тому, что я полностью разочаровался в

советской власти, которой я верой и правдой служил до конца Гражданской войны.

После победы над Врангелем и изгнания его войск из Крыма, я был поражен жестокостью красных по отношению к тем врангелевцам, которые по разным причинам остались в Крыму. Фактически все они были уничтожены. «Мне особенно не нравилась эта жестокость, — подчеркнул Тимофей Васильевич, — присмотревшись к системе расправы большевиков со своими врагами, я понял, что они не ценят человеческой жизни, а ценят лишь свою коммунистическую идею. А поняв, что она всецело базируется на насилии, я обратился к Петру Филипповичу Юшкову, верующему старику, живущему в Крыму, с вопросом: что мне делать в создавшихся условиях?

Это было уже после окончания Гражданской войны.

Подумав минуту, Петр Филиппович сказал:

— Лучше всего не служить этой злокозненной власти. Поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что нужно уйти со службы кровавой советской власти, что я и сделал в голлом 1921 году. До этого мне пришлось с частями Красной Армии подавлять крестьянские восстания не только в Сибири, на Дальнем Востоке, но и на Урале.

Наблюдая, как ведут себя в последние минуты своей жизни приговоренные к казни, я, по возможности, старался сам не принимать участия в этих казнях. Мне было противно смотреть на эти ужасные ритуалы. Я полностью разочаровался в Ленине и его помощниках, таких же жестоких, как и он: Троцком, Сталине, Дзержинском и других членах Политбюро.

Иногда я смотрел на жертв большевистского режима: расстрелянные лежали кучами на месте казни, порой их число исчислялось десятками, иногда было всего несколько трупов.

Однажды со мной на место расстрела пошел Петр Филиппович Юшков. Рассматривая трупы расстрелянных, переходя от одного к другому, он приговаривал:

– Какой он еще молодой, ему бы еще жить да жить. Жестоким режим лишил его жизни. А за что? За то, что он пытался помешать насильственному изъятию хлеба у богатых и зажиточных крестьян, но ведь они получили его в результате своего труда. Несправедливо убивать их за это! Если они ошибались, то надо их наказывать, но не так слишком жестоко, сразу же лишать их жизни, а давать им возможность жить, трудиться и приносить пользу другим людям.

– Я пришел к выводу, – продолжал свой рассказ Тимофей Васильевич, – что советская власть слишком жестокая, она основана на насилии, и служить ей – значит пачкать свои руки в крови невинных людей, а это я делать не могу и не буду.

Поэтому, когда началось сокращение армии после Гражданской войны, я сразу же постарался попасть в число демобилизованных. И мне это удалось. Уже в начале 1922 года я был демобилизован и поехал домой. Здесь я решил заняться старым ремеслом, то есть шитьем одежды для местного населения, но одновременно и учительствовать в местной школе.

Вначале дела мои шли неважно. Заказов на пошив одежды было мало. Это было обусловлено бедностью сельского населения, обостренной до предела голодом 1921 года. Сказались и последствия Первой мировой и Гражданской войн. Однако постепенно, особенно, после 1922 года, когда в стране был получен хороший урожай, дело выправилось, количество заказов увеличилось, и я получил возможность на вырученные за свою работу средства вполне сносно жить и даже стал мечтать о женитьбе.

Я понял, что НЭП большевики провели потому, что не видели иного способа оживить экономику России, разрушенную войнами. Я только не мог понять, как Ленин не видел факта быстрого восстановления экономики страны при НЭПе, что он более прогрессивен, более жизнеспособен, чем социализм. Как он мог игнорировать тот факт (о котором знал), что в основе человеческих действий лежат интересы, а связь между конкретными действиями людей и их интереса-

ми обуславливается собственностью на орудия труда и средства производства?

Частная собственность создает непосредственную связь между человеком, орудиями труда и средствами производства. В этом смысле он склонен был преувеличивать роль насилия, как основного стимула высокопроизводительного труда. Его утверждение о том, что социализм создает более высокую, чем капитализм, производительность труда, ни на чем не основано.

— Я считал, — продолжал Тимофей Васильевич, — что Ленин, сосредоточив все свое внимание на общественной собственности, не подумал, при каких условиях она лучше работает, в частности, не учел фактора и обстоятельств, когда она лучше работает, он упустил из виду правильное представление об экономической реальности, упустил, что для полного проявления своих возможностей общественная собственность на орудия труда и средства производства нуждается в более высоком, чем тогда был, фактическом уровне общественного сознания масс в отношении к общественному труду. Он не понимал, что сразу создать престиж для общественной собственности, по сравнению с частной собственностью, невозможно, что для достижения этого необходимо развитие страны в течение нескольких десятилетий. Хотя в некоторых суждениях он приближался к пониманию этого процесса.

Уверенный в том, что затея Ленина, в конечном счете, потерпит крах, — продолжал Тимофей Васильевич, — я решил не участвовать в работе органов советской власти. А поскольку я был беспартийным, это закрывало для меня занятие любых сколько-нибудь значимых постов в партийном аппарате и на государственной службе. Я с этим смирился и был к этому готов. Единственное место, где я находил выход своим мыслям, — это были беседы с моими клиентами по моей специальности. Но и здесь я, критикуя различные мероприятия советской власти, не призывал к ее свержению, и это позволяло мне оставаться пока безнаказанным.

Но так долго дело продолжаться не могло, рано или

поздно секретные сотрудники, извращая мои подлинные слова, толкуя их иногда в прямо противоположном смысле, должны были представить меня, как лютого врага советской власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Когда в 1929 году началась массовая коллективизация, когда в колхозы пошел середняк, в беседах с клиентами я осуждал это мероприятие за его неподготовленность. Я считал, что материальная база для коллективизации еще не готова, и 100 тысяч тракторов, о которых говорил Ленин, еще отсутствуют. Но Сталин и под его нажимом партия взяли курс на ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Против курса партии выступили в основном богатые крестьяне (кулаки), и эти выступления жестко подавлялись.

Меня как врага курса партии на коллективизацию арестовали и выслали на север страны в Архангельскую область. Сделано это было в большой спешке, мне не предъявили официального обвинения, ограничились единственным допросом, причем протекал он вполне лояльно со стороны проводившего его следователя НКВД И.С. Ковалева.

Он задал мне всего один единственный вопрос:

— Так значит вы, Тимофей Васильевич, выступаете против курса партии на ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации?

Я ответил, что это не совсем правильно отражает мою общественно-политическую позицию.

— А, так вы еще запираетесь, тогда мы вынуждены будем предпринять против вас превентивные меры. Мы высылаем вас на север страны на непродолжительный срок, всего на один год, а за это время мы проведем здесь сплошную коллективизацию, и когда вы вернетесь сюда, все крестьянство будет уже коллективизировано.

— Воля ваша, — ответил я, — я ни в чем не виноват, поэтому я с вашим наказанием не согласен. Я не заслужил его.

— А мы вас и не спрашиваем об этом, и наказываем, как считаем нужным, а ваше мнение о справедливости наказания вы можете, как ваше личное мнение, оставить при себе. Оно

нас не интересует. Даем вам двое суток, чтобы вы могли подготовиться к высылке на север страны.

Я понял, что разговаривать дальше бесполезно, и стал готовиться к высылке.

Я попал в ссылку в город Холмогоры Архангельской области, вернее, не в сам город, а в деревню Ключи, находившуюся в 60 километрах от него. Население деревни Ключи состояло в то время преимущественно из ссыльных кулаков с Украины, которые жили здесь вместе со своими семьями. Они хорошо работали и обустроивали в свободное от работы время деревенские улицы.

Занялся я своим профессиональным делом. Заказов ко мне на шитье одежды стало поступать много. Жить можно было и кое-как свободно сводить концы с концами. Постепенно я завоевал авторитет среди ссыльных кулаков своей профессиональной деятельностью и своими разговорами.

Агенты НКВД, которые имелись и здесь, сообщили в органы, что ссыльного Тимофея нужно выслать обратно по месту его жительства, так как он здесь своими разговорами приносит больше вреда, чем пользы, а там он будет больше доволен условиями жизни, чем здесь, потому как здесь он является ссыльным.

Местный сотрудник НКВД пригласил меня к себе и сказал, что содержание моих разговоров с клиентами органам хорошо известно. «И мы, как только истечет срок вашей высылки сюда, сразу же, без всякой задержки, отправим вас домой. А там пусть местные органы решают, что с вами делать, как с вами поступить».

Я поблагодарил его и спросил, когда кончается срок моего пребывания здесь?

Он ответил:

– Срок вашего пребывания истекает 1 августа 1932 года. И пока, согласно сложившемуся у нас мнению, мы не намерены удерживать вас здесь ни на один лишний день.

Я еще раз поблагодарил его за сообщенное мне решение соответствующих государственных органов безопасности и стал готовиться к возвращению домой. Упаковав принадле-

жавшие мне вещи в два больших узла, я поставил их в дальний угол дома, где жил, и с нетерпением стал ждать дня, когда я смогу уехать домой.

Заметив мое оживление, дочь ссыльного украинца Андрея Константиновича Кравчука Оксана, хозяйина дома, в котором я жил, испытывавшая ко мне некоторую симпатию, а, может быть, даже тайное, глубоко запрятанное чувство любви, сказала с видимым сожалением, что ее папа хочет вечером со мной поговорить. Я понял, о чем может быть этот разговор, и ответил ей, что обязательно переговорю с Андреем Константиновичем, о чем тот только пожелает, и стал с нетерпением ждать этого вечера, тем более, что он был последним днем моей ссылки.

Назавтра я отправлялся домой.

На закате солнца отец Оксаны пришел с работы домой. На столе, покрытом темно-коричневой скатертью, его ожидал ужин, приготовленный дочерью. Она приватным образом сообщила отцу, что завтра я уезжаю домой, так как закончился срок моей ссылки. Внимательно выслушав ее, Андрей Константинович прошел в дальний угол сеней, где я все еще возился со своими узлами, стараясь в порядке уложить в них все мое имущество.

– Приглашаю вас отужинать с нами по случаю вашего завтрашнего отъезда домой, на Урал. Я думаю, на прощанье нам следовало бы поговорить кое о чем, – сказал он.

– С удовольствием, если вы этого желаете, – ответил я.

– Ну, вот и хорошо, выпьем на дорожку и поговорим о житье-бытье.

– Наливай, подруга, – обратился он к жене Анне Павловне, которая к этому времени тоже вернулась с работы и сидела за столом.

Андрей Константинович встал и произнес свое вступительное слово:

– Конечно, с нами власти сурово расправились и фактически ни за что, но кто знает, что будет дальше? Я думаю, что советская власть будет еще более суровой по отношению ко всем инакомыслящим или даже тем, кто будет ей казаться

таковым, — сказал Андрей Константинович. — И в этих условиях вам несказанно повезло, — обратился он ко мне, повернувшись в мою сторону. Я думаю, — продолжал он, — что даже того, что происходит сейчас, по отношению к кулакам и интеллигентам, в дальнейшем не будет. Представители органов безопасности хорошо понимают, если человека наказывают ни за что, при полном отсутствии вины, то это может его обозлить и склонить к настоящему недовольству советской властью. В таком случае лучше сразу жестко наказывать, приговаривая к смертной казни. В результате, власти достигнут двойной выгоды. Во-первых, мертвые не могут выступать против советской власти, и количество недовольных ею не будет расти, а во-вторых, наказание высшей мерой устрасит остальную, еще не наказанную часть недовольных, и, таким образом, будет достигнуто морально-политическое единство советского общества вокруг Коммунистической партии.

Я возразил:

— Будет ли это так — это еще вопрос будущего, а пока надо пользоваться имеющейся возможностью. По решению органов государственной безопасности, я должен возвращаться домой на Урал. Если я этого не сделаю, то, естественно, вызову непонимание у соответствующих государственных органов, и, — кто знает? — может последовать новое наказание.

— Почему? — спросил Андрей Константинович.

— Потому, что не выполнил решения государственных органов.

— Ты бы мог жениться на нашей дочери Оксане, — вмешалась в разговор до этого молчавшая Анна Павловна.

— Это вопрос, который касается нашего квартиранта и Оксаны, а не нас с тобой, — отрезал Андрей Константинович.

Оксана при этих словах отца засмушалась, покраснела и вышла из комнаты.

— Что, ты не видишь что ли, что у них хорошие отношения, и что нашей дочери Тимофей Васильевич определенно нравится? И эти чувства надо оформить законным порядком.

– Если даже это и так, – возразил Андрей Константинович, – то об этом надо спросить у Тимофея Васильевича, захочет ли он жениться на нашей дочери, испытывает ли он к ней высокое чувство любви?

А во-вторых, даже в случае его наличия, в чем я вообще-то сомневаюсь, захочет ли дочь ехать с ним на Урал, оставив здесь родителей? Я думаю, что этот вопрос сейчас не может быть решен. Вероятно, надо поступить следующим образом: когда Тимофей Васильевич придет к себе на родину, и между ним и Оксаной возникнет переписка, и они через некоторое время почувствуют, что не могут жить друг без друга – тогда другое дело, а сейчас говорить об этом, по крайней мере, преждевременно, – подытожил свое выступление Андрей Константинович.

После него я встал и произнес коротенькую речь, в которой отметил, что за год, хотя он и кажется значительным сроком, я не успел достаточно хорошо познакомиться со многими людьми, окружавшими меня здесь, в том числе и с моими соседями, и с Оксаной. Я вполне согласен с Андреем Константиновичем, видимо, так и надо поступить, как он предлагает.

Затем Андрей Константинович встал и поднял тост за мое благополучное возвращение на родной Урал, за исполнение всех моих желаний и за счастье в моей личной жизни.

На следующее утро я уезжал домой из места ссылки. Сообщение до Холмогор было тогда на конной тяге. Ямщик ездил до города раз в сутки и через двое суток возвращался обратно, привозив оттуда пассажиров, если, разумеется, таковые имелись. Провожала меня вся семья Кравчука. Когда ямщик подъехал к крыльцу самодельного вокзала, меня поразило поведение Оксаны по отношению ко мне. Подав мне руку для прощания, она внезапно быстро приблизилась ко мне, стремительно обняла меня и буквально впилась своими губами в мой рот, нанеся мне оглушительный поцелуй. По ее внезапно затрепетавшему телу я понял, что она испытывает ко мне подлинное чувство, которое потрясло меня и застави-

ло всю дорогу думать о ней и переосмысливать свое отношение к этой девушке.

После моего приезда домой, у нас с Оксаной завязалась оживленная переписка, которая через два года завершилась приездом ее ко мне и нашим законным браком. А ее родители через несколько лет, когда у них закончился срок высылки, уехали домой на Украину».

За эти два года Оксана успела закончить историко-филологический факультет Московского педагогического института, на который она поступила ранее, еще в 1928 году. Поступить в институт ей было нелегко, так как у нее не хотели принимать документы, как у дочери кулаков, принадлежавших к эксплуататорскому классу.

Множество потенциальных абитуриентов после такого отказа вынуждены были обращаться в Министерство народного образования к наркому А.В. Луначарскому, что, правда, часто не давало положительного результата. Нарком, как правило, входил в приемную и бочком, через толпу детей бывших эксплуататоров, ожидавших его, пробирался в свой кабинет. Обычно через минуту после этого из кабинета Луначарского выходил секретарь и сообщал ожидавшим, что сегодня приема не будет. Так повторялось несколько раз. Люди, ворча, вынуждены были расходиться. Секретарь их увещевал: «Что делать, это классовый принцип. Тут ничего не попишешь».

Услышав такое объявление в последний намеченный у наркома день приема, Оксана села на стул и заплакала. Секретарь Луначарского, выждав несколько мгновений, пока другие посетители выйдут из приемной, подошел к ней и участливо сказал: «Не плачьте, девушка, лучше сходите на прием к заместителю наркома Надежде Константиновне Крупской. Она иногда принимает и даже порой помогает таким, как вы». Оксану сразу же осенила мысль: «Надо попробовать». Она узнала у секретаря номер кабинета Крупской и направилась туда. В приемной она оказалась одна. Через минуту секретарь заместителя наркома спросила ее: «Девушка, что вам нужно?» Оксана объяснила ей суть интересующего

ее вопроса. Выслушав ее, секретарь попросила ее минуту подождать и скрылась за дверью кабинета Крупской.

Вернувшись, секретарь объявила, что Надежда Константиновна приглашает ее зайти. Очень волнуясь, буквально не чувствуя под собой ног, Оксана вошла в большую, светлую, хорошо оформленную комнату. За большим столом у окна сидела пожилая, седая женщина, которая внимательно, из-под стекол очков, смотрела на нее.

– Что Вы хотите? – спросила она хрипловатым, спокойным и даже участливым голосом.

Радуюсь, спеша и сквозь слезы проглатывая отдельные слова, Оксана рассказала ей суть волнующего ее вопроса. Выслушав ее, старушка улыбнулась и участливо сказала:

– Не волнуйтесь. Сейчас у нас такая обстановка в стране, что не вы одна находитесь в таком неприятном положении. Абсолютизация классового принципа по отношению к приему в высшие учебные заведения приводит к тому, что многие способные юноши и девушки, родители которых были эксплуататорами, не могут поступить в вузы.

– Ну, а я-то тут при чем? – осмелев, сказала Оксана. – Мой отец не был эксплуататором, у нас никогда не было наемных рабочих.

– Знаю, знаю, – сказала Н.К. Крупская, – поэтому я и помогу Вам. Я позвоню в педагогический институт. Как Ваша фамилия?

Оксана подошла к Н.К. Крупской и, упав перед ней на колени, заплакала от радости.

– Что Вы, зачем Вам унижаться передо мной, лучше сейчас же встаньте и поезжайте в институт. Там примут Ваши документы, поступите в институт и хорошо учитесь!

Оксана быстро встала, поблагодарив Н.К. Крупскую, и вышла из кабинета.

Когда она появилась в приемной комиссии института, у нее спросили фамилию.

Узнав, что она Кравчук, секретарь недовольно спросила: – Так это Вы были сегодня у Надежды Константиновны Крупской?

– Да, я, – ответила Оксана.

– Ну что ж, поступайте и учитесь! И больше не жалуйтесь на нас. Мы сегодня находимся в трудных условиях и поэтому вынуждены так поступать.

Весь период обучения в вузе Оксана вспоминала ту добрую старушку, которая так приветливо приняла ее, выслушала и помогла ей поступить в институт и тем самым получить высшее образование.

После окончания института, перед Оксаной возникла сложная проблема устройства на работу. Одновременно ее чувство к Тимофею Васильевичу требовало соединения с ним брачным союзом. Так или иначе, она вынуждена была поставить перед ним этот вопрос.

Помедлив с ответом в связи с разными жизненными обстоятельствами, он ответил положительно.

И Оксана, которая к этому времени уже устроилась на работу в Подмоскowie, вынуждена была уволиться, чтобы приехать к Тимофею Васильевичу.

ГЛАВА II

НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

В родном селе к Тимофею Васильевичу сразу же стали приходить старые знакомые и расспрашивать об его жизни в ссылке.

«Рассказывая им о своем житье-бытье, — вспоминал он, — я попутно интересовался: как они теперь живут, что у них нового? В меру своих возможностей и своих знаний они рассказывали мне о событиях, происходивших в мире и в нашей стране. Из высшей политики их привлекали мероприятия нового американского президента Рузвельта, вступившего в должность президента Соединенных Штатов 4 марта 1933 года. Он должен был принять присягу. Уже в самой церемонии этого действия Ф.Д. Рузвельт допустил отступление от установившейся традиции. Вместо того чтобы после зачитания текста присяги председателем Верховного суда США Ч. Хьюзом сказать коротко «Клянусь!», Ф. Рузвельт снова прочитал текст присяги слово в слово.

После принятия присяги президент обратился к присутствующим с речью. Громкоговорители разносили его размеренный и твердый голос по площади, а десятки миллионов американцев слушали его дома у радиоприемников.

В условиях небывалого в стране экономического кризиса он должен был успокоить народ и вдохнуть в него уверенность в лучшее будущее. В своей речи он сказал: «Сегодня день национального посвящения. Пришло время сказать правду и всю правду. Единственное, чего нам следует бояться, — самого страха, безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует необходимые усилия по превращению отступления в наступление». В энергичных

выражениях президент обрушился на виновников кризиса – руководителей обмена товарами. Они провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали. Президент упрекнул прежних руководителей страны в неумении найти пути выхода из кризиса, а когда этого нет, народ погибает. «Ростовщики бежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации».

Президент призвал действовать и действовать быстро. «Мы должны идти вперед, как обученная и верная армия, готовые нести жертвы ради общей дисциплины, ибо без дисциплины невозможен прогресс, а никакое руководство не может быть эффективным». Он предупредил народ и конгресс, что если последний не примет необходимого законодательства, а кризис будет продолжаться, он обратится к конгрессу за единственным орудием для борьбы с кризисом – широкими полномочиями, столь же большими, «какие бы потребовались нам в случае настоящей войны с вторгшимся врагом». В конце своей речи Рузвельт впал в драматический пафос. Он сказал: «Народ просил меня ввести дисциплину и указать путь выхода из кризиса под моим руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. Как дар я принимаю его. Мы смиренно просим благословения Бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет нас в грядущие дни».

И Рузвельт действительно повел страну вперед и вывел ее из кризиса. Нарушением сложившейся в США традиции было приведение к присяге членов нового правительства Рузвельта. Никогда раньше министры не давали присяги в Белом доме, да еще коллективно.

Говоря о своем новом правительстве, Рузвельт демагогически заявил, что он сформировал правительство, в котором не будет ни одного министра, кто бы знал дорогу на Уолл-стрит, 23, в резиденцию Моргана. «Не будет, – заявил он, – в правительстве ни одного, кто бы был связан каким-либо образом с магнатами США или с международными банками». Слова звучали громко, но не очень искренне.

Давая оценку деятельности Ф.Д. Рузвельта на посту президента, мастер марксистского анализа, председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер писал о том, что Ф.Д. Рузвельт был миллионером, либералом, и его политика, в конечном счете, «была очень выгодна американской буржуазии». Но и рабочему классу перепало кое-что. Доходы Рузвельта выросли более чем на миллиард долларов в год».

Рассказывал все это Тимофею Васильевичу Виктор Петрович Одинцов, его старый знакомый, который пришел к нему после его возвращения из ссылки, и они долго беседовали по вопросам текущей политики нашей страны и ее международного положения. Его старший брат Никита Петрович, из старых большевиков, после Октябрьской революции работал в посольстве СССР в Англии. Он внимательно следил за тем, что происходило в США. Он был удивлен, как ловко, с наименьшими издержками, этой стране, после избрания Ф. Рузвельта президентом, удалось выйти из тисков громадного экономического кризиса. Он сравнил новый курс Ф. Рузвельта и наши индустриализацию и кооперацию и пришел к выводу, что новый курс, пожалуй, более жизнеспособен, так как позволил стране с малыми потерями выйти из гигантской экономической депрессии, которой еще не знала Америка.

«Вернувшись на родину, — вспоминал Тимофей Васильевич, — я был поражен теми переменами, которые произошли в течение истекшего года в родном селе. Все крестьяне, за исключением нескольких, вступили в колхоз.

Я спросил у колхозника Прокопия Афанасьевича Медведева, чем объясняются такие быстрые темпы коллективизации?

Он ответил:

— Экономическими мероприятиями советской власти.

Колхозников, вступивших в колхоз, фактически освободили от налогов, во всяком случае, сделали их минимальными, а частных обложили такими высокими налогами, что они не могли их уплачивать, и вынуждены были спешно

вступить в колхоз. «Их загоняли в колхоз экономической дубинкой», – подчеркнул свою мысль Медведев.

И эта «экономическая дубинка» была эффективней всего, что можно было представить в данных условиях.

Итоги победы кооперативного движения были подведены на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году, который в истории партии получил название съезда победителей. На нем все бывшие оппозиционеры, и левые, и правые, пели похвалы Сталину, превозносили его до небес как самого мудрого вождя, как исключительного человека. Съезд подвел итоги выполнения первого пятилетнего плана и принял директивные показатели развития промышленности и сельского хозяйства на вторую пятилетку.

Странным в работе съезда было то, что после всех похвал в адрес Сталина, на первом организационном Пленуме, созванном сразу же после съезда, старые большевики предложили вместо Сталина избрать С.М. Кирова Генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Сделано это было на особом совещании старых большевиков, на котором давались рекомендации на каждого члена Политбюро. Узнав об этом, С.М. Киров отказался от такой должности и сообщил об этом Сталину. Тот не поверил в искренность поведения своего товарища и друга, но решил сделать все возможное для сохранения за собой поста Генерального секретаря, а с Кировым тайно расправиться, когда для этого представится удобный случай.

В результате закулисных маневров, Сталин был вновь избран Генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Он решил сделать так, чтоб подобные случаи, как с Кировым, не повторились. Тем более что для этого имелись определенные основания. Ближайший друг С.М. Кирова Г.К. Орджоникидзе заявил, похлопав его по плечу: «Это ничего. На следующем съезде мы все равно изберем тебя генеральным секретарем». Эти слова дошли до Сталина, и он стал действовать, чтобы не допустить фактической реализации данного замысла. На С.М. Кирова, который летом 1934 года был послан уполномо-

моченным ЦК по хлебозаготовкам, было совершено покушение, но он совершенно случайно остался жив.

Тогда Сталин решил воспользоваться другим представившимся ему случаем. Жена С.М. Кирова Мария Львовна болела женской болезнью. Киров имел ряд связей с актрисами Ленинградского театра. Эти мимолетные связи вполне благополучно сходили ему с рук. Иной характер имела его связь с техническим секретарем обкома партии Мильдой Драуле, женой бывшего меньшевика Л.В. Николаева.

Когда об этой связи сообщили Сталину, он жестко отрезал: «Не мешать!». Это означало, что он решил воспользоваться этой связью для расправы с Кировым. Для выполнения этой специальной миссии в Ленинград был послан И.В. Запорожец. В строжайшей тайне был разработан план операции по физическому устранению Кирова руками Николаева. Однако, разрабатывая план операции по устранению Кирова, Запорожец допустил ошибку, задействовав в данной операции не всех чекистов, охранявших Смольный. В результате Николаев с оружием в руках был остановлен не посвященным в операцию чекистом и был им арестован. Когда дело выяснилось, Николаева не только отпустили, но и оставили ему оружие.

Операция была Запорожцем уточнена и скорректирована. Николаеву сообщили, когда Киров встретится в Смольном с его женой наедине, а охраннику Кирова под благовидным предлогом было предложено отстать от Кирова, хотя по условиям охраны он не имел права этого делать.

В результате план удался. Киров был убит прямо на жене Николаева во время полового акта. Он «позабыл» закрыть дверь в комнате, в которой они уединились.

Во время разговоров с Николаевым, в период, предшествовавший покушению, тот сомневался и спрашивал, что ему за это будет? Его не расстреляют?

— Нет, — отвечали ему чекисты, — его посадят на несколько лет в тюрьму за месть в порядке ревности.

И только после этого Николаев решился на преступление. Он беспрепятственно вошел в комнату, где Киров зани-

мался любовью с его женой, и выстрелом в упор в затылок застрелил Кирова. После этого его сразу же задержали.

Сталин удачно разыграл из себя оскорбленную невинность. Он сразу же вместе с А.А. Ждановым выехал в Ленинград. Увидев Николаева, он лично избил его, а на похоронах Кирова водрузил на его гроб венок, на котором было написано: «Моему лучшему другу».

Секретарем Ленинградского обкома вместо Кирова стал А.А. Жданов, который, как Сталин знал это хорошо, не мог по своим деловым качествам претендовать на его место.

Таким путем Сталин очень ловко устранил своего политического конкурента. Другой стороной этого убийства явилось то, что он воспользовался смертью Кирова для расправы со своими политическими противниками. Многие из них, принадлежавшие к партиям кадетов, эсеров, меньшевиков, были расстреляны.

После всего содеянного Сталин еще в большей мере, чем раньше, сосредоточил свое внимание на энтузиазме масс, на создании второй угольно-металлургической базы на востоке страны. Он знал, что фашисты, которые пришли к власти в Германии в 1933 году, могут напасть на СССР, поэтому он решил не только экономически готовить страну на случай войны, но и политически он хотел уничтожить «пятую колонну» и беспощадно расправиться с оппозицией, и старой, и новой.

Для достижения этой цели им было решено уничтожить, прежде всего, «левую» оппозицию, которая меньше «правой» была связана с партией (Зиновьев, Каменев, Радек, Пятаков и др.). Процесс над ними прошел в 1936 году. Все они, кроме Радека, были приговорены к расстрелу.

Второй процесс против «правой» оппозиции (Бухарин, Рыков и др.) состоялся в 1938 году. Большинство из них были также приговорены к расстрелу и расстреляны.

Эти процессы над главарями оппозиции привлекли к себе внимание западноевропейской общественности. После них значительная часть социалистических и рабочих партий западноевропейских стран, поняв фальшивый характер дан-

ных процессов, их фабрикацию, охладела и даже отвернулась от СССР. Таким образом, был нанесен существенный вред идее социализма, как неизбежному будущему европейских стран.

— В это время я женился, — продолжал Тимофей Васильевич, — моей избранницей стала Оксана Андреевна, дочь репрессированных украинцев из Ключей, начавшая работать учительницей русского языка и литературы в местной Воронинской средней школе».

Став учительницей, Оксана решила и мужа приобщить к этого рода деятельности, приводя различные аргументы в пользу работы в школе, например, что ему будет легче контактировать с родителями, не привлекая к себе внимания органов государственной безопасности. Сочтя аргументы основательными, он согласился на предложение жены.

После разговора с женой об учительстве Тимофей Васильевич через два дня пошел к директору Воронинской средней школы Алексееву Максиму Ильичу для того, чтобы попытаться практически решить этот вопрос. Выслушав Тимофея Васильевича, директор сразу же огорчил его.

— Ваши мотивы мне понятны, — сказал он, — они благородны, и я полностью одобряю их. Но вот беда, в школе нет вакантных мест учителей, так что с этим придется повременить. А, впрочем, завтра же я осведомлюсь, кажется, учительница 2-го класса Лидия Юрьевна Прокушева скоро уходит в декрет, тогда Вы сможете заменить ее, и это будет непрерывно, а потом придумаем что-нибудь еще. Меня интересует, что Вас так привлекает в младших классах? Надо прямо сказать, что желающих заниматься с учениками начальных классов немного. Мне интересно, — продолжал директор, — что Вы там нашли, и не покажутся ли Ваши аргументы, заслуживающими самого серьезного внимания и практического применения?

Тимофей Васильевич ответил:

— Меня привлекают ученики начальных классов своей восприимчивостью к проблемам воспитания. В этом отношении ученики старших классов уже более устойчивы к вос-

приятию нравственных ценностей общественной и личной жизни, таких, как вежливость, трудолюбие, уважение к старшим, стремление помочь им, а также больным и т.п.

Выслушав его, Максим Ильич полностью с ним согласился.

– Все это правильно, – сказал он, – но вот только одно положение вызывает здесь сожаление, ведь Вы – мужчина, а у нас в старших классах 90 % преподавателей – женщины, а для юношей старших классов (их у нас 40 % от общего числа учащихся) очень желательно было бы иметь побольше преподавателей-мужчин, так как женщины для юношей, обучающихся в старших классах, пользуются меньшим авторитетом, чем преподаватели-мужчины.

– Это верно, – заметил Тимофей Васильевич, – но и в младших классах мальчики больше уважают учителей-мужчин, чем женщин, к тому же я занимаюсь дома еще и швейным делом, и это тоже отнимает у меня немало времени, а в старших классах программа предусматривает прохождение более сложного материала, что требует большего времени на подготовку. Школьники младших классов более восприимчивы к восприятию моральных ценностей общества, а я их более всего буду страшиться прививать ученикам младших классов.

– Ну, хорошо, – согласился директор, – считайте, что мы договорились. Через несколько дней, как только Лидия Юрьевна уйдет в декретный отпуск, я Вас позову.

Однако это произошло не так скоро, как ожидал Тимофей Васильевич, а через месяц.

Придя во второй класс, он увидел почти три десятка пар глаз, устремленных на него. Он понял, что им нужно сказать что-то такое, что сразу же привлекло бы к нему внимание детей. А затем будет все проще. Они уже будут внимательно слушать его.

Тимофей Васильевич задумался на минуту. В классе стояла абсолютная тишина. Все ждали, что он скажет. Он понимал, что приведенный им пример должен быть не только понятным, но и убедительным для маленьких школьни-

ков. Он должен быть для них призывом выполнять хорошие дела.

И он стал рассказывать им о голоде на Украине 1933–1934 годов на примере одной из школ Черновицкого района Харьковской области. Ученица 4-го класса этой школы Аня Коваленко каждый вечер после уроков, а в воскресенье с утра и до вечера собирала опавшие колоски, оставшиеся после уборки очень малого урожая, собранного в том году. Когда колоски были очищены от мусора, отец Ани Василий Степанович отнес их в школу.

Вес собранного зерна составил 50 килограммов. Отец Ани сказал, что дарит этот хлеб школе, где учится его дочь, чтобы школьники в таких необычайно трудных условиях голодного года смогли жить и дальше учиться.

По распоряжению директора школы зерно смололи и из полученной муки, разбавленной картофелем и другими пищевыми добавками, выпекали каждый день по десять караваев. В школе ввели ежедневные обеды, каждому школьнику доставалось по ломтю данного хлеба и по стакану морковного чая (сахарного песка также не было).

Так продолжалось всю осень, пока на Украину не стал поступать государственный хлеб из Сибири, спасший оставшуюся часть населения от голодной смерти.

В результате Аниного труда ни один из учеников ее школы не умер от голода. А в конце уборки урожая, когда уже дули холодные северные ветры, все учащиеся данной школы после занятий три дня в неделю собирали в поле колоски. Положительный пример Ани был заразителен для всех школьников.

Когда Тимофей Васильевич окончил свой рассказ, в классе стояла тишина. Наконец один из учеников поднял руку, встал и спросил:

– А что дали этой девочке за ее подвиг?

Учитель похвалил мальчика за этот вопрос и обратился к классу:

– А как вы думаете, что ей дали за это?

В классе воцарилась тишина.

– Мы не знаем, что ей дали, – подчеркнул Тимофей Васильевич, – наверное, наградили похвальной грамотой, но орден, наверняка, не дали. Но дело не в этом, а в том, что благодаря ей многие ученики школы были спасены от голодной смерти. А это главное!

Директор школы, присутствовавший на первом занятии Тимофея Васильевича, позже, когда они вышли после урока в коридор, сказал только одно слово: «Молодец!» и ушел в свой кабинет.

Тимофей Васильевич рассказывал о своей супруге:

«Моя жена была очень красивой. Когда я увидел ее в первый раз, я был восхищен ее красотой, которая показалась мне какой-то слишком правильной, ну прямо-таки античной. Ее голос среднего женского тембра было очень приятно слушать, а бархатные темно-карие глаза излучали неизъяснимую прелесть.

Она хорошо знала русскую литературу, особенно XIX века, и умела донести произведения классиков до сведения учеников старших классов. На ее уроках, особенно в той части их, когда она освещала новый материал, стояла абсолютная тишина. Все ученики заслушивались ее блестящей, свободно льющейся, как из рога изобилия, речью, дающей им возможность улавливать смысл и значение великой русской литературы и понимать значение этого предмета не только для того времени, но и для будущего, для XX–XXI веков. За хорошее знание своего предмета Оксане предлагали должность директора школы, но она, по моему совету, отказалась от этого.

Административная работа на этом посту требовала очень много времени и к тому же она не способствовала улучшению качества преподавания своего предмета. Жена согласилась с моими доводами и отказалась от предлагаемого поста, но сделала это очень неохотно. Она говорила о том, что в этой должности у нее будет шире круг знакомых, больше возможностей обобщения опыта коллег не только своей школы, но и других школ района и даже области.

Нашим спорам был положен конец в 1936 году, когда она родила мальчика, которого назвали Петей. Внимание к ребенку, подготовка к занятиям, проверка тетрадей и другие домашние дела заставили ее смириться и не занимать руководящего поста в школе.

Самым большим несчастьем в своей жизни Тимофей Васильевич считал болезнь и смерть жены Оксаны Андреевны. Она заболела двухсторонним воспалением легких и умерла в мае 1939 года. Все годы до этого времени она была бодрой, веселой и трудолюбивой. Все дела по дому делались вовремя и качественно благодаря ей. Она не только успевала сделать их, но одновременно хотела подготовить и написать книгу о Юрии Николаевиче Тынянове.

Ей нравился стиль этого писателя, его необычайно тонкий юмор, документальная основательность его произведений. Оксана была просто удручена, когда узнала о тяжелой болезни Тынянова рассеянным склерозом, о том, что эта болезнь не лечится и уже оказывает негативное влияние на его творчество, в частности, на намеченную им двухтомную монографию о А.С. Пушкине.

— Всецело поглощенная его творчеством, — говорил мне Тимофей Васильевич, — жена решила навестить больного писателя.

Тимофей Васильевич согласился с ее решением.

— Тебе будет легче работать над его биографией, когда ты увидишь его и поговоришь с ним. Он раскроет тебе те уголки своего творчества, о которых нельзя узнать никаким другим способом, — сказал он.

Встреча с писателем одновременно и вдохновила, и опечалила ее. Писатель приветствовал ее замысел и обещал писать ей и письменно отвечать на ее вопросы по поводу его творчества. Он дал ей адрес, на который она могла писать ему и задавать вопросы относительно его творчества.

— Я нахожусь, — говорил он ей, — как Гейне в «матрачной могиле», но пока я живу, я буду работать над монографией о Пушкине и буду регулярно, без задержек, отвечать на Ваши вопросы, которые будут возникать у Вас по поводу

моего творчества, хотя, я должен признаться, что мне все труднее это делать из-за этой жестокой болезни.

И если она не даст мне возможности завершить мой труд, то Вы-то все-таки сделаете свой. Я в этом уверен и желаю Вам удачи на этом трудном и благородном пути.

Писатель не знал, что он проживет на несколько лет дольше, чем моя жена, хотя так и не сможет завершить свой труд о великом русском поэте. (Ю.Н. Тынянов умер в 1943 году).

Смерть Оксаны была тяжелой, неожиданной и скоротечной. На улице светило ласковое весеннее солнышко. Причиной болезни была простуда. Оксана, легко одевшись, пошла на прогулку с сыном.

Встретила соседку – преподавательницу истории из местной школы, Веронику Николаевну Силину, и поговорила довольно подробно о школьных делах, о том, что намечалось нового. В это время свежий весенний ветер усилился, а ей с сыном предстояло пройти довольно значительное расстояние по улице до дому.

Уже придя домой, она почувствовала, как у нее горят огнем щеки и лоб. А на следующее утро она кое-как поднялась, но не могла идти в школу.

Вызвали врача, он смерил температуру и был удивлен ей. Прослушав хрипы в легких, он сразу же понял, что это воспаление. Он только не мог представить, что оно такое сильное и двухстороннее. Прописав необходимые лекарства и постельный режим, врач ушел в больницу.

Оксане Андреевне становилось все хуже. Она просто горела, температура поднялась за 40.

Вечером Тимофей Васильевич вызвал врача на дом вновь. Врач вновь измерил температуру, прописал жаропонижающие лекарства и сказал, что положение слишком серьезное, и если к утру следующего дня температура не спадет, то больную придется транспортировать в больницу.

К следующему утру положение больной ухудшилось, температура поднялась еще на несколько десятых градуса.

Больная буквально задыхалась от жара. Жаропонижающие не дали эффекта.

Через несколько часов больная скончалась».

Тимофей Васильевич в течение нескольких дней, в том числе и в день похорон, находился как бы вне сознания. Он и понимал, и не понимал, что произошло. Но никак не мог примириться с этим.

Бросив последнюю щепотку земли на уже опущенный в могилу гроб, он замер и остался на одном месте, и все уговоры увести его от могилы домой не давали успеха.

Он пришел домой только на следующий день к обеду. Делать домашние дела он не мог и не понимал, зачем это нужно.

Все домашние дела взяла в свои руки младшая сестра Оксаны Юлия. Главным объектом ее внимания стал Петя. Ребенка нужно было каждое утро отправлять в школу, следить за тем, чтобы он выполнял домашние задания.

Юлия справлялась со всем этим. Так продолжалось несколько лет, пока не подрос мальчик. Тогда Юлия заявила, что она оставляет их семью.

В этих условиях Тимофей Васильевич вынужден был жениться на Ольге Федоровне Лобановой, которая была совсем другой женщиной, нежели его жена.

Ее отличие от Оксаны Андреевны заключалось, прежде всего, в ее ветрености. Она любила других мужчин, особенно красивых и здоровых, и вступала с ними в легкомысленные любовные связи.

Когда те бросали ее, она, поплакав и погрустив немного, успокаивалась и через некоторое время заводила роман с очередным любовником. Со временем ей стало ясно, что ее поведение известно всем свободным мужчинам окрестных сел и деревень, и за ней закрепилась скверная репутация гулящей женщины.

Ольга Федоровна решила закрутить роман с Тимофеем Васильевичем. Поскольку он считал себя порядочным человеком, то предложил ей вступить с ним в брак.

Она охотно согласилась, полагая, что лучше брак со стариком, чем вообще не иметь никакого. Их жизнь протекала довольно ровно, прерываемая романами Ольги Федоровны. К ним Тимофей Васильевич относился мягко и не журил жену. Она, понимая это, старалась угождать ему в других отношениях.

— Наши семейные отношения, — вспоминал впоследствии Тимофей Васильевич, — не помешали нам увидеть ужасы большого террора 1937–1938 годов. За эти годы, как известно, пострадали миллионы жителей нашей страны. Только расстреляно было, по подсчетам историка А.Н. Дугина, за эти два года 620 тысяч человек.

Миллионы были посажены в тюрьмы на основании пресловутой 58-й статьи, лишены права переписки и т. п.

Страх от этого террора привел к такому воздействию на души людей, что они после 1938 года еще продолжительное время боялись «черных воронов», на которых обычно работники спецслужб ездили по ночам арестовывать подозрительных для них людей.

Страх оказывал определенное воздействие на советских людей все время нахождения у власти генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина.

О масштабах местного террора свидетельствует следующий факт. Когда Сталину стало известно, что первый секретарь Уральского обкома партии И.Д. Кабаков в прошлом был знаком с Бухариным и Рыковым, он написал Молотову записку: «Как быть?»

Молотов ответил: «Арестовать». И по этой подсказке было арестовано и осуждено 275 человек.

— Когда много лет спустя в деревне Урмы Кунгурского района я встретился с одним из этих сосланных по этому делу и спросил его: «Каким он был, этот Кабаков?», он ответил: «А время покажет, каким он был».

Когда я спросил на Рябининском рейде, вблизи города Чердыни, одного старика, несколько отличавшегося поговору и манерам поведения от местного населения, откуда он, тот ответил: «Из Тулы. Я был последним членом Тульского

обкома, который был арестован в 1938 году и только потому, что был лично знаком с Н.И. Ежовым, и нахожусь здесь, а не лежу в сырой земле».

«Список таких диких расправ, — вспоминал Т.В. Бессонов, — можно продолжать до бесконечности. На этом основании один из моих знакомых высказал предположение, что Сталин болел психическим расстройством, называемым «манией преследования».

С этим невозможно согласиться, но все-таки что-то с нервами у Сталина было не в порядке.

Конечно, И.В. Сталин, обманувший «левых» и «правых» оппозиционеров, обладал немалым умом и изощренной хитростью. Он предполагал обмануть и Гитлера.

Когда Гитлер, с целью обезопасить себя от войны на два фронта и от войны с несколькими странами, предложил СССР в 1939 году заключить договор о ненападении сроком на 6 лет, Сталин не возражал. С одной стороны, он рассчитывал, что за эти годы наша страна окрепнет и хорошо вооружится, укрепит свои западные границы и, таким образом, может твердо противостоять фашистской Германии.

Кое-что в практическом отношении до времени нападения Германии на Советский Союз за данный период было действительно сделано. К СССР были присоединены Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, а также Молдавия и Северная Буковина.

Договор Риббентропа-Молотова был закреплен во время секретного свидания Гитлера со Сталиным осенью 1939 года. На этих переговорах речь шла о разделе Европы между двумя державами. Гитлер согласился на существенное расширение территории СССР за счет Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Молдавии, которая входила тогда в состав Румынии и была союзницей Германии, с условием, чтобы СССР не вступил в войну с Германией и не поддержал Англию и Францию в 1940 году. Уступки со стороны Германии были значительными, и Сталин согласился с ними. Франция и Англия не получили второго фронта со стороны СССР, и Франция была разгромлена,

а английские войска должны были эвакуироваться на британские острова.

Но, к сожалению, главное, что имел в виду Сталин – оттянуть, благодаря договору, войну на шесть лет, – осуществить не удалось.

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР.

Начало войны было для нашей страны неудачным.

Поскольку Сталин верил в святость соблюдения договора со стороны немцев, по целому ряду вопросов наша армия не была в должной мере готова к войне. Поэтому она вынуждена была отступать летом и осенью 1941 года, вплоть до пригородов Москвы. Над страной нависла серьезная опасность. Благодаря советскому разведчику Р. Зорге, была получена информация о том, что Япония в ближайшее время не нападет на СССР. В результате с Дальнего Востока были сняты и перекинuty под Москву шесть сибирских дивизий, что укрепило наши войска, позволило им перейти в наступление и отбросить немцев на 200–300 километров от столицы.

Перезимовав первую военную зиму, немецкое командование решило летом 1942 года начать наступление на Юге. Гитлеру нужна была кавказская нефть. Нанеся нашим войскам поражение под Харьковом и в Крыму, немецкая ударная группировка начала наступление на Сталинград и на Кавказ. «Уже в самом раздвоении сил для стратегического удара я видел, – заявил Тимофей Васильевич, – непродуманность стратегической установки немецкой армии. Немецкие войска дошли до Сталинграда, но взять его не могли. Более того, они, сосредоточив на своих флангах слабые румынские части, позволили тем самым окружить себя. В результате, армия фельдмаршала Паулюса и он сам попали в плен.

На Кавказе немецкие войска дошли до главного кавказского хребта, водрузили свою свастику на Эльбрусе, но дальше продвинуться не смогли. А со времени пленения немецкой группировки Паулюса перед немецкими войсками, действовавшими на территории Северного Кавказа, возникла

угроза окружения, и они вынуждены были спешно убираться отсюда. В этом сказалась неудачная стратегия гитлеровских войск, наступавших на юге СССР в 1942 году.

Попытка поправить свои дела в 1943 году на Курской дуге также окончилась неудачей. Она проходила уже в отсутствии стратегического паритета со стороны Германии. В танковом сражении под Прохоровкой 400 немецким танкам противостояли 800 наших танков. Битва под Курском означала перелом в ходе войны. После нее стратегическая инициатива прочно перешла к Красной Армии, и она удерживала ее до победного окончания войны.

Стратегические установки советских войск в 1943–1944 годах, – как считал Тимофей Васильевич, – представляли собой концентрацию их на том или ином участке советско-германского фронта: под Ленинградом, на Украине, в Белоруссии, в Крыму и т.п. Они наносили победоносные удары по немецким войскам, которые вынуждены были после этого отступать. Некоторую помощь нам стал оказывать второй фронт, открытый союзниками 22 июня 1944 года.

Мы победили потому, – подытожил свой продолжительный рассказ Тимофей Васильевич, – что наши людские и материально-технические ресурсы стран антигитлеровской коалиции в несколько раз превышали соответствующие ресурсы фашистской Германии и ее союзников. Поэтому победа над фашистской Германией, – подчеркнул Тимофей Васильевич, – была закономерной».

После войны он сосредоточил свое внимание на обучении сына. Тем более что тот, как это не странно, рано начал проявлять интерес к основам мироздания. Его интересовало все: солнечная система, Галактика, Бесконечная Вселенная – Метагалактика.

Тимофею Васильевичу иногда было трудно отвечать на заковыристые вопросы сына. Радуюсь его смысленности, он решил, что для сына лучше всего было бы пойти учиться по религиозной части. «Тогда и ему, и мне, да и окружающим нас родственникам будет легче жить и ориентироваться в пространстве».

После окончания средней школы Петя поступил в Московскую духовную семинарию. «Мне казалось тогда, — вспоминал Тимофей Васильевич, — что в сложившихся после войны условиях — это самый лучший вариант жизненного самоопределения. Учиться ему в семинарии очень нравилось. Учился он очень хорошо, хотя иногда ему в голову приходили сложные вопросы, ответов на которые он не знал. Он не задавал их профессорам семинарии, поскольку полагал, и не без оснований, что ответов на них у них нет. А религиозные ответы, считал он, не являются доказательными.

Его терзала мысль о том, откуда взялась Бесконечная Вселенная? Иначе говоря, кто ее создал? И если Бог, то откуда он взялся и откуда у него такая сила для того, чтобы создать ее?

Вопросы были колоссальной сложности, поэтому ответов на них найти было невозможно. Хотелось склониться перед этой бесконечностью и признать свое несовершенство в гносеологическом плене.

— Я пришел, в конце концов, к выводу, — говорил Тимофей Васильевич, — что для человечества и для меня, в частности, есть такие первовопросы бытия: как и откуда все это взялось, что перед ними пасует разум, и нужно их признать, как первоначала, без всяких вопросов к ним, без попыток проникнуть в суть того, что нам, человечеству, не дано узнать. Узнаем ли мы об этом когда-нибудь — это нам неизвестно, и будет ли когда-нибудь известно, мы тоже об этом не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Поэтому мы должны сосредоточиться на таких вопросах мироздания, на которые есть ответы в религии и частично в науке.

— Я считал, — рассказывал Тимофей Васильевич, — что Петя, получив высшее духовное образование, сможет хорошо служить обществу, успокаивая людей и внушая им веру в торжество религиозного мировоззрения. Религиозное мировоззрение было, есть и будет у людей, давая им если не подлинное знание об основах мироздания, то, во всяком случае, его объяснение, основанное на вере.

– Я уверен, – говорил Тимофей Васильевич, – что советская власть дана народам России от Бога, как страдание за грехи. Она представляла собой страшное, неслыханное страдание. Однако это страдание не может быть бесконечным. Настанет час, когда Бог сочтет, что народы этой страны достаточно терпели, и их очередной руководитель – Коммунистическая партия – придет к выводу, что пора положить конец суровым испытаниям, и это ему удастся совершить. В обществе вновь будет установлена свобода, вновь наступит торжество рыночных отношений. Люди будут счастливы».

Тимофей Васильевич считал, что до этого периода ему не удастся дожить.

«Но я знаю, что это должно быть и это будет. Меня удивляет то, – говорил Тимофей Васильевич Пете, – как большевики, ослепленные ненавистью к религии, не могли понять, что она может быть полезна для них. Ведь десять христианских заповедей, в конце концов, вошли в не слишком измененном виде в моральный кодекс строителя коммунизма. Но это признание было сделано с большим запозданием.

Расшатывание морали за послевоенные десятилетия советской власти достигло таких масштабов, что трудовая дисциплина на производстве ослабла. Это стало серьезно сказываться на росте производительности труда. В результате, к началу 70-х годов XX века он практически прекратился. И это отодвинуло навсегда в нереальное будущее ленинскую задачу о победе социализма над капитализмом за счет более высокой производительности труда.

– Мне кажется, – говорил Тимофей Васильевич своему сыну, – что социализм в последние годы своего существования будет находиться в кризисном состоянии. В обществе будет не хватать самых необходимых товаров: от продуктов питания до одежды и жилья. Все это будет вызывать недовольство народа, но руководство будет бессильно разводить руками: где все это достать, где все это взять? Надо вводить элементы НЭПа, которые будут стимулировать развитие материального производства».

Но традиционная подготовка судьбоносных решений общества вязла в словесной паутине, и ничего существенно не двигалось.

С одной стороны, в обществе росло недовольство, даже протест, против существующего положения вещей, а с другой – при Л.И. Брежнев – ничего не делалось для того, чтобы практически изменить данное положение. Нужно иметь в виду, что, несмотря на фактически неограниченную власть генерального секретаря ЦК КПСС, сопротивление ему со стороны партийного аппарата было очень сильным.

Поэтому Тимофей Васильевич предвидел, что сопротивление любым общественным новшествам будет таким, что практическая реализация их будет невозможна.

Для нас важно то, что Тимофей Васильевич предвидел и предугадал то, что произошло спустя несколько лет после его смерти.

Конечно, предвидение путей общественного развития требует особых позитивных усилий, направленных на то, чтобы увидеть и угадать изменение общественных отношений, и в каком именно направлении оно происходит. Нужно было очень внимательно всматриваться в те, порой малозаметные, изменения в общественной жизни, которые происходили и, главное, в каком именно направлении.

Основной вектор общественных изменений медленно и неуклонно склонялся в сторону все большего ослабления общественных связей между различными взаимосвязанными общественными ингредиентами. А в обществе не чувствовалось тяги к необходимости изменения существующих порядков. Возрастание расхлябанности между различными частями общества приводило к возрастанию ошибок в его развитии, на исправление которых тратилась значительная часть общественной энергии, а ослабление последней приводило к замедлению темпов общественного развития, что создавало неблагоприятную атмосферу на попрание сосуществования двух мировых систем.

Фатальное значение здесь имело то, что развинчивание связей между системами общества все более возрастало, что

создавало почву не для подъема темпов роста общественного производства, а, наоборот, для его снижения. В свою очередь это снижение продуцировало и обуславливало новое снижение темпов. Все это, в конце концов, выходило наружу и становилось ясным для членов Политбюро ЦК КПСС. Но что делать с этим, они не знали, на решительные шаги они не решались, а шли по пути наименьшего сопротивления.

Вскоре было замечено, что снижение темпов развития и даже невыполнение государственных планов, не означает уменьшения объемов прироста общественного производства. Это наполнило высшее руководство страны уверенностью, что здесь все находится в порядке вещей, что маленькие цифры растут до смешного быстрыми темпами, что большие цифры растут медленнее, но зато дают, как правило, в абсолютных цифрах большой прирост производства.

Но постепенно это падение темпов общественного развития дошло до такой степени, что показатели роста и в абсолютных цифрах стали падать. Тут уж разразился такой общественный кризис, который заставил нового генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева смотреть в корень проблемы и пересматривать ее основные системообразующие факторы.

Прежде всего, пришлось реабилитировать значение понятия общественного интереса, а также понятия свободы. Все это привело к выводу о необходимости реабилитации системы рыночных отношений. А для этого пришлось задуматься и по-новому рассмотреть значение системы собственности на орудия труда и средства производства.

Частная собственность в современных условиях создает более прочный интерес к труду и к его результатам. Благодаря этому было найдено средство, усиливающее интерес, а, следовательно, и тягу к ускорению развития производства.

Интеллектуальные поиски Тимофея Васильевича увенчались личным успехом.

Однако имели ли они какое-то общественное значение? Ведь он не публиковал статьи о них в газетах и журналах, не выступал по этим вопросам на радио и телевидении, на пар-

тийных съездах и профсоюзных форумах. Они имели только значение для него, а не для общества.

А общество через борьбу мнений в высшем партийном руководстве (а иначе в создавшихся условиях было невозможно) трудным путем проб и ошибок постигало истину в ее абсолютном понимании. И это понимание, в конце концов, получило поддержку со стороны большинства народа.

Что же касается Тимофея Васильевича, то он был и остался неизвестным народу интеллигентом, прозревшим и сделавшим открытие для себя, но не для общества. Поэтому мы с полным правом можем назвать его «неизвестным обществу интеллигентом».

ГЛАВА III

Т.В. БЕССОНОВ КАК ПРОГНОЗИСТ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

– Пойдем к Тимофею. Он сошьет тебе шубу. Уже наступает ноябрь. На улице начинаются холода, – обратилась ко мне с такими словами моя мать Вера Семеновна Грекова.

– Кто такой Тимофей и где он живет? Далеко ли до него идти? – спросил я у матери.

Она отвечала, что Тимофей – учитель, и кроме учительства в школе, он занимается всю жизнь шитьем одежды и делает это качественно и хорошо. Живет он в деревне Пихтари, которая находится в трех километрах от нашего села Воронино.

– И пойдем мы туда сейчас же, ибо другого свободного от работы времени у меня нет, – сказала мне мать.

Внутренне поморщившись, я неохотно согласился.

Дорога, по которой мы пошли, спустившись с небольшой и покатой горы, была ровной и с обеих сторон окружена лесом. Она представляла собой проселочный тракт. Гравийная смесь вместе с песком несколько приподнимали его поверхность не только над окружающими его с боков канавами, но и начинающимся с каждой стороны лесом.

Через полчаса скорой ходьбы, перед нами предстала улица, состоявшая из десятка сельских домов, окруженных с боков и с задов сараями, покрытыми серой слежавшейся соломой.

– Это и есть Пихтари? – спросил я у матери.

– Да, – ответила она.

Через некоторое время мы уже шли по улице этой деревни, свернули на ее правую сторону и зашли в ограду пятого дома с правой стороны.

– Это и есть дом швеца и учителя? – спросил я.

– Да, – ответила она, – и учителя».

Мы поднялись на невысокое крыльцо и через полутемные сени вошли в избу. Нас встретил невысокого роста старик с седой окладистой бородой, с такими же белыми волосами на голове, с внимательными светло-серыми глазами.

От всего облика старика, от его блестящих глаз, от ладно сидевшей на нем рубашки и светло-серых брюк исходил какой-то непонятный мне импульс энергии и бодрости. Голос старика – мягкий и спокойный – был прямо-таки очарователен. Это был несильный голос, скорее всего, тенорального тембра, удивительно гладкий.

Он говорил очень чисто, его речь текла удивительно естественно и свежо, в ней не было совершенно слов-паразитов, не было никаких сбоев, никаких нарушений тембра голоса и никаких с трудом подыскиваемых слов. Его слова звучали спокойно, размеренно и удивительно красиво.

Чувствовалось, что старик в хорошей физической форме и еще может работать.

Сняв с меня мерки, записав их в свою записную, небольшого размера, книжицу, осмотрев принесенный нами материал и назначив цену за свою работу, он осведомился о желательных сроках подготовки изделия и, видимо, удовлетворившись ходом деловых переговоров, встал и подошел к переднему углу избы.

С левой стороны от полки с книгами располагалось несколько цветных литографий. Среди них была одна, являвшаяся иллюстрацией к басне И. Крылова «Ворона и лисица».

Подойдя к ней, Тимофей Васильевич спокойным и изящным голосом стал комментировать эту иллюстрацию, причем сразу же политизировал ее. Он сделал это так ловко, что я сразу же был буквально восхищен ходом его речи и уже, не отрываясь, слушал его.

Он говорил о том, что Сталин – это лисица, а ворона –

это союзники СССР Рузвельт и Черчилль. Война закончилась победой над Германией, что привело к краху иллюзий и надежд союзников на существенные изменения социалистического строя, которые ожидали от Сталина в благодарность за победу.

По словам Тимофея Васильевича, союзники сделали Сталину три предложения: разрешить в СССР частную собственность, распустить колхозы и открыть церкви. Сталин якобы согласился только на одно предложение: часть церквей была открыта.

Я был удивлен, как ловко и бойко учитель объяснил моей матери (меня он в первый приход к нему мало принимал во внимание), что наш вождь обманул союзников, сохранил их участие в войне на стороне СССР и в то же время не пожертвовал основными принципами социализма. Впору было вспомнить Крыловскую басню, в которой лисица, хитро расхваливала ворону, предложила ей спеть, поскольку во рту ворона держала кусочек сыра. Когда она «каркнула во все воронье горло, сыр выпал» и «с ним была плутовка такова».

С помощью союзников Россия разгромила фашистскую Германию и не только сохранила социалистический строй, но после войны стала развивать и укреплять его дальше. Так, Сталин, по остроумному комментированию Тимофея Васильевича, превратился в хитрую лису, которая обманула союзников, обеспечив их участие во Второй мировой войне на стороне Советского Союза, и не пожертвовала при этом фактически ничем, в смысле основ социалистического строя.

Я был восхищен рассказом Тимофея Васильевича.

В первый раз я слышал, что об основных вопросах политики можно говорить так просто и вместе с тем неожиданно. Я рос в деревне, мать работала в колхозе, в котором, как и во многих других, колхозники голодали: ели лебеду в качестве шанег, ели листья липы, а хлеб делали из липовой коры, которую предварительно срезали с молодых лип.

Кору рубили на мелкие куски, сушили, мололи и потом уже из этой грубой муки пекли хлеб. Наиболее смелые и здоровые колхозники пробовали идти по более простому пу-

ти: пекли хлеб из древесных опилок, так называемой пило-
ной муки, смешивая их для связки с картофельным крахма-
лом. Однако даже здоровые желудки реагировали на такую
пищу страшными болями, поэтому такие эксперименты бы-
ли прекращены.

А лебеда и липовая кора вместе с липовыми листьями в
качестве деликатесов были в ходу у нас и наших соседей в
течение всего периода Великой Отечественной войны.

Жители всех окружающих наше село деревень жили и
питались в период войны очень плохо. Почти все голодали.
И от голодной смерти их спасали коровы и другой домаш-
ний скот. Однако воспользоваться продуктами в полной мере
они не могли, поскольку должны были платить высокие на-
логи: и денежные, и натуральные.

Налоги были настолько значительными и выплачивать
их было людям настолько трудно, что я до сих пор, спустя
три четверти века, помню их размеры. Они отложились в мо-
ей памяти, как будто это было вчера.

Моя мама должна была выплачивать государству, на-
пример, в 1944 году, 539 рублей налога, да еще плюс к этому
25 рублей страховки. Это была только ничтожная доля с тех
натуральных налогов, которые ежегодно должны были вы-
плачивать колхозники, в том числе и мы.

Мама должна была сдавать государству 370 килограм-
мов картофеля, 75 штук яиц, 2,5 килограмма шерсти, 44 ки-
лограмма мяса, 319 литров молока.

Фактически колхозники должны были сдавать государ-
ству 40 килограммов мяса и 290 литров молока, но посколь-
ку колхозное животноводческое хозяйство не выполняло
план своих поставок, их перекладывали на личные хозяйства
колхозников, напрягая до предела их возможности.

Я помню, как мне все лето каждое утро приходилось но-
сить на местный сырзавод по 3,5 литра молока, помню, как
мне хотелось отпить его из четверти большой бутылки, кото-
рую я ежедневно тащил на завод, но я, правда, с большим
усилием воли, преодолевал это желание и ни разу не отпил
молока.

Но были и исключения из такой тяжелой и голодной жизни колхозников.

В соседнем колхозе «Урожай», который объединял две деревни – Шустово и Макарово, жители жили прекрасно, и я говорю это не с чужих слов, а на основе личных впечатлений.

Мать брала меня, пятилетнего малыша, за руку и вела с собой в деревню Макарово, где она обменивала масло на хлеб (на ржаную муку), которой у колхозников данной деревни имелось в изобилии. Я с любопытством озирался вокруг и наблюдал за тем, что видел.

И увиденное существенно отличалось от того, что я наблюдал в родном селе. Вся деревня Макарово была в лесах новостроек: наемные работники строили дома, амбары, сараи, копали колодцы, крыли тесовые крыши. Вечером, обычно мы бывали в этой деревне при закате солнца, после работы в деревне гуляли веселые мужики. Жизнь у них была сытая и довольная, не то, что в нашем родном селе.

Я спрашивал у матери, почему они живут так хорошо, а мы и наши соседи плохо?

– Потому, – отвечала она, – что у них хороший председатель, Вася Накаряков.

– А что, наш Гриша Порошин разве плохой?

– Никакого сравнения с ним. Он только трепещет за свою шкуру, а о колхозниках не заботится.

Как я узнал впоследствии, это было именно так.

Василий Иванович Накаряков, действительно, был неординарным человеком. В начале Первой мировой войны он попал в плен к немцам и должен был работать в качестве батрака на одного богатого немецкого «бауэра» – богатого крестьянина.

Работая, он воспринимал все хорошее и полезное у немцев, а когда в начале 30-х годов на Урале стали образовываться колхозы, он возглавил колхоз «Урожай» в двух вышеназванных деревнях.

Сметливый по природе, он стал внимательно изучать правительственные документы о колхозах, и здесь, к своему

удивлению, он обнаружил Положение, согласно которому семеноводческие колхозы получали особый статус, а именно: они должны были выплачивать поставки государству в три раза меньшие, чем обычные колхозы.

Уцепившись за это, он добился для своего колхоза особого статуса. Он наладил в колхозе трудовую дисциплину, участвовал лично в сельскохозяйственных работах, подавая личный пример колхозникам.

Когда в 1941 году началась Великая Отечественная война, производственный механизм колхоза «Урожай» уже был хорошо отлажен. Председатель колхоза понимал, что война ляжет дополнительным бременем на колхоз и людей, работающих в нем, и он продумал и стал осуществлять свою тактику. Он всегда, во всех начинаниях местных партийных органов, шел им навстречу. Однако его вклады в различные фонды не были максимальными.

Василий Иванович понимал, что в военное время он не может подавать объективные справки об урожаях различных зерновых культур. Он знал, что ему не разрешат давать колхозникам по несколько килограммов хлеба на трудодень, — ведь война!

И тут он встал на путь сокрытия истинных размеров урожаев хлебов в колхозе и настоящих размеров оплаты труда колхозников.

Как он это делал? После подсчета всех доходов колхоза осенью, он все цифры дохода изменял в нужном ему направлении. Все поставки хлебов, семян государству он неукоснительно выполнял, и кое-что сдавал, правда, немного, сверх этого.

Колхозники получали на трудодень по одному килограмму зерна. И это было зафиксировано во всех документах колхоза, а значительные излишки зерна, не учтенные в официальных документах, распределялись между колхозниками неофициально. Вторая, третья, четвертая ведомости по фиксированию получения колхозниками зерна в оплату их трудодней уничтожались, сразу после выдачи им хлеба. Поэтому, сколько хлеба они получали на трудодень в годы Вели-

кой Отечественной войны, никто не знал, кроме председателя.

А его авторитет среди колхозников был так велик, что никто из них публично не усомнился в том, не слишком ли много они получают хлеба на трудодень? И все ли здесь в порядке?

Никто не выдал председателя, и райская жизнь членов колхоза «Урожай» продолжалась до 1947 года.

Что же случилось в этом году? Что произошло, что положило конец райской жизни колхозников данного колхоза?

Василий Иванович с большим уважением относился к районным партийным органам, никогда не перечил им, но всегда умело отстаивал интересы колхоза. Его знали, уважали и терпели за это.

Весной 1947 года он в двухколесной «тарантайке» начал с уполномоченным объезжать поля.

Но тут случилось непредвиденное.

Объезд полей происходил по бездорожью. Объезженная лошадь бежала быстро, и вдруг – неожиданный ухаб, тарантас с его пассажирами здорово трянуло, а председатель, еще со времен Первой мировой войны страдавший язвой желудка, почувствовал резкую боль. Приехав домой, он, не предвидя настоящих последствий обострения болезни, выпил около двух литров молока, чем только усугубил течение болезни.

Молоко вылилось в брюшную полость, и через два дня Василий Иванович умер. Приехавшие из Кунгура хирурги не смогли спасти его.

В моей памяти отложились похороны Накарякова.

Я не помню, почему в один из вечеров начала лета 1947 года я оказался на Новом кладбище. Кладбище представляло собой пересеченную местность. Мое внимание привлекла одна из впадин, где находились 20–40 женщин, которые плакали навзрыд.

Как говорят в народе о таком плаче – просто ревели. Я не мог понять, почему их так много и почему они так дружно, все вместе, плакали?

Оказывается, они хоронили своего, теперь уже бывшего, председателя колхоза Василия Ивановича Накарякова. В действительности они, с большим сожалением, провожали свою счастливую жизнь. Их страшило понимание того, что их жизнь ухудшится. Ведь во всех соседних селах и деревнях люди жили очень плохо, а они – несравнимо лучше, чем обаяны были Василию Ивановичу. Они понимали, что жить им так, как жили прежде, при Накарякове, больше не придется, что и произошло.

После смерти В.И. Накарякова осталось налаженное хозяйство, которое возглавил заместитель председателя Прохор Александрович Вековшинин. Но это был уже другой человек, не обладавший талантами Накарякова, да к тому же в 1949 году произошло укрупнение колхозов, и Прохор Александрович, не имевший специального образования, сошел с руководящей сцены.

И председателем объединенного колхоза стал другой человек, с высшим образованием, рекомендованный райкомом ВКП(б).

Жители Макарово и Шустово стали получать столько же, сколько и другие колхозники из соседних сел и деревень. О том, насколько значительной была разница между тем, что было при Накарякове и тем, что стало при новом председателе объединенного колхоза Никифоре Анфиногеновиче Транькове, свидетельствует следующий факт: самый экономный колхозник Федот Михайлович Мельников последнее зерно, полученное на трудодни при Накарякове, смолот в 1965 году, то есть через 18 лет после смерти председателя.

Заканчивая этот небольшой сюжет, подчеркну, что, когда я приехал в деревню Макарово в 1956 году, я был поражен ее изменившимся видом, который предстал передо мной. Почерневшие дома, никаких новостроек, обвалившиеся срубы колодцев, везде признаки запустения и нигде не видно подвыпивших и гуляющих мужиков. В конце XX века эти деревни попали в число неперспективных, в которых не могут быть созданы городские условия, и дома жителей были перенесены в Ленск. Деревни Макарово и Шустово пере-

стали существовать как населенные пункты, и только изредка некоторые старожилы посещали бывшие места своего жительства. Три маленьких озера напоминали им о том месте, где они когда-то жили.

Я, выросший в деревне, конечно, был удивлен тем, как интересно, увлекательно и красиво говорил о разных предметах специалист-самоучка по изготовлению одежды Тимофей Васильевич. Мне очень хотелось вновь послушать его и спросить кое о чем, но я понимал, что мать не согласится идти к нему. Поэтому я терпеливо ждал, когда износится моя одежда, и нужно будет приобретать новую, и тогда уже можно будет добиться своего.

Я перешел в пятый класс, для школы мне нужен был новый костюм. Мать купила в магазине материал для костюма и, к моему удивлению, доверила мне самому сходить к портному, сказав: «Иди к Тимофею и скажи ему, что тебе надо сшить костюм, чтобы в нем ходить в школу. Что касается оплаты работы за шитье, то пусть он сам назначит цену по справедливости. Она верит ему и готова заплатить».

Увидев меня, Тимофей Васильевич удивился моему повзрослевшему виду и спросил, не я ли тот мальчик, который в прошлом году приходил к нему с матерью с заказом на шитье шубы? Я бойко и твердо ему отрапортовал: «Да, это я. Моя мать послала меня просить Вас сшить мне костюм и назначить за шитье справедливую цену, которую она заплатит».

Старичок приятно улыбнулся и сказал, что, конечно, цена будет справедливой, и он сошьет мне школьный костюм. После этого он деловито снял с меня мерки и записал в книжечку.

— Ты очень вырос и стал совсем большим человеком, — сказал он мне после этого.

В это время дверь в избу отворилась, и в комнату вошел среднего роста, очень широкий в плечах мужчина, который после приветствия сразу же заговорил с Тимофеем Васильевичем, как со своим старым знакомым. Его интересовал вопрос: откроют ли в Воронино церковь?

Отвечая на вопрос, Тимофей Васильевич сослался на собственный опыт.

«Я был у Калинина летом 1936 года по поводу закрытия церкви в селе Воронино. У меня было письмо, подписанное двумястами человек, о том, чтобы не закрывать храм в селе Воронино. Калинин прочел это коллективное письмо и ответил, что сделать он ничего не сможет и не будет.

Далее Калинин продолжил: «У меня есть письмо комсомольцев относительно этого храма. Они сообщают, что решили храм закрыть, а в здании этой церкви, переоборудовав его, разместить среднюю школу».

— Тогда я сказал, — продолжил свой рассказ Тимофей Васильевич, — что привез письмо с двумястами подписей. Подписавшие просят не закрывать церковь. Неужели Вы им не верите? — спросил я Калинина.

— Почему не верим, — пояснил Калинин, — мы им верим, но мы верим и комсомольцам, которые просят о другом, причем мы верим им больше, чем тем людям, которые подписали Ваше письмо».

Получив отказ, Тимофей Васильевич тяжело переживал свою неудачу. Для того чтобы как-то, хотя бы частично, снять душевное напряжение, он решил посоветоваться со священником закрываемого храма отцом Николаем. Старичок-священник, дом которого находился напротив здания церкви, принял его очень радушно. Угостив гостя чаем и выслушав его рассказ, он высказал ему свою точку зрения по этому вопросу:

— Официально я скажу следующее. Как известно, всякая власть исходит от Бога, следовательно, Бог допустил коммунистов до власти. И тут, как говорится, ничего не поделаешь. Но судьбы Господни неисповедимы, пройдет 50–100 лет, в точности мы пока этого не знаем, и власть коммунистов падет, как в 1917 году пала царская власть и власть Временного правительства. Вас интересует вопрос, — продолжал отец Николай, — как Вам жить и что Вам делать сейчас? Я думаю, что Вам не надо открыто выступать против советской власти. В этом случае Вас ждет неминуемая казнь, и это будет

безрассудно и недействительно. Это будет пустая трата сил. Нельзя и тайно, потихоньку, копать против советской власти – расстрел и тут рано или поздно неизбежен. Надо быть лояльным к советской власти. Все, что она требует от Вас, исполнять.

Но делая это, надо помнить о том, что она не вечна. Когда она упадет, и кто ее повалит, мы не знаем, но что она не вечна – это точно.

По моему мнению, – продолжал отец Николай, – перед Вами стоит задача, которая заключается в том, чтобы сохранить свою жизнь и свое здоровье, которые Вам понадобятся для решения других задач, и уже после падения советской власти. В ее падении Вы не должны принимать никакого участия. Вы должны быть, в определенном смысле, в отношении к ней отшельником, то есть человеком, как бы несколько отстраненным от нее, и, вместе с тем, ни в коем случае не принимающим участие в борьбе с ней.

По моему мнению, – продолжал отец Николай, – после незначительного перерыва советская власть падет сама собой, в силу внутренних закономерностей своего развития. Таких причин, которые приведут к падению советской власти, я пока вижу две, – подчеркнул и выделил голосом отец Николай.

Во-первых, это отсутствие свободы. При социализме в полном смысле слова нет свободы политической, да и экономической, и культурной. Это приведёт к тому, что работающий человек будет лишен возможности выбора альтернатив. Человек может предлагать только те политические решения, которые принимаются современным партийным руководством. Других решений он предлагать и воплощать в жизнь не может, даже если они являются правильными и ведут к подъему производства.

Во-вторых, в силу вышеуказанной причины, при социализме не в полную меру работает интерес, который является реальной причиной всех человеческих действий. Когда нет свободы, нет возможностей выбора альтернатив, тогда не в полную силу работает интерес.

В-третьих, частная собственность является способом соединения человека с интересом, человека с трудом, а если нет свободы, значит, нет возможности выбора альтернатив, выбора самых интересных для данного человека видов труда. Причем с ростом образовательного и культурного уровня народа выбор интереса к разным видам труда расширяется. Чем, кстати, и объясняется неизбежность падения социализма в СССР и странах народной демократии в конце XX века.

– Я понял Вас, отец Николай, – задумчиво сказал Тимофей Васильевич, – я не буду выступать против социалистического строя в России в любых формах, поскольку это произойдет объективно без меня и моего участия в этом процессе.

– Это правильно, – подтвердил отец Николай, – я рад, что Вы поняли меня, и мой труд по прояснению причин неизбежности падения социализма не пропал даром.

– Я буду неукоснительно придерживаться этого принципа в течение всей своей жизни, – уверенно заключил Тимофей Васильевич».

Когда через месяц я пришел за костюмом, то застал Тимофея Васильевича с неизвестным мне мужчиной с толстой, большого формата, книгой в руках. В конце их диалога я узнал, что это было «Послание апостола Павла». Однако в ходе их беседы, насколько я мог заметить, Тимофей Васильевич несколько раз раскрывал и затем вновь закрывал металлические застёжки на книге, а саму книгу не раскрывал и не читал.

Мужчина рассказывал ему, как в 1938 году его племянник Алексей Сергеевич попал под арест и в течение десяти месяцев был постоянно избиваем, а также подвергался другим видам мучений и издевательств с целью добиться от него необходимых НКВД сведений о его шпионской деятельности против СССР.

Заметив, что я с интересом его слушаю, мужчина прервал свою беседу с Тимофеем Васильевичем и объяснил мне начало происшествия с его племянником в 1938 году.

Он закончил армейскую службу в Москве и с чемоданом в руках собирался ехать на вокзал на трамвае. На трамвайной остановке он обратил внимание на пожилую женщину, которая с большими усилиями несла, видимо, очень тяжелый чемодан. Алексей Сергеевич решил ей помочь и поднял чемодан в вагон трамвая. Здесь он был сразу же схвачен НКВДэшниками, которые его уже, видимо, ждали.

После этого он исчез из поля зрения всех домашних и знакомых. Никто не знал, где он и что с ним. Один из наших родственников оказался осведомленным человеком. Он предположил, что, возможно, человек арестован органами НКВД, которые в таких случаях обычно не информировали родных о местопребывании арестованного.

Тогда я взялся за это дело и поехал в Москву. Я знал, что освободить племянника, Алексея Сергеевича, возможно только одним путем – решением кого-либо из вождей партии и государства. Я пошел по верхам. Сначала меня преследовали неудачи: и Молотов, и Ворошилов отказались мне помочь. Ворошилов прямо заявил, что он не будет этим делом заниматься. Тогда я обратился в Президиум Верховного Совета СССР, к его председателю М.И. Калинину. Он прочел мою бумагу, пристально посмотрел на меня и спросил: "И это все правда, что тут написано?"».

«А как же, ведь Вы же будете проверять», – ответил я.

Тогда он взял мою бумагу, наложил свою резолюцию. Племянник был освобожден».

– Да, я слышал, что он немного отличается от других наших вождей, – согласился Тимофей Васильевич, – но возможности его были ограничены. Все дела по антипартийным и оппозиционным группировкам имели приговоры, которые являлись окончательными и обжалованию не подлежали, то есть Калинин не мог их пересматривать, применять помилование и т. п.

– А вообще, Михаил Иванович Калинин был по-своему интересным человеком. Он был наименее жестоким из большевистской верхушки, – продолжал мужчина, которого Тимофей Васильевич называл Павлом.

Об этом свидетельствует такой интересный факт: Калинин очень любил красивых женщин и для достижения их благосклонности шел на поступки, которые были не приняты в большевистской верхушке.

Так, он пожаловал балерине Татьяне Бах шубу с плеча бывшей российской императрицы Александры Федоровны. Когда об этом факте сообщили Сталину, тот заметил: "Какой он все-таки похотливый козел", и бумагу с данной информацией положил в папку.

Говорил ли он по этому поводу с Калининным, я не знаю. Но интересно то, что когда Калинин стал стареть, и мужской организм стал сдавать, он решил его подправить. Для достижения этих целей ездил дважды во Францию омолаживаться, о чем мне рассказал москвич И.Ф. Морозов, который жил по соседству с квартирой Калинина. Не знаю, правда это или нет, но во всяком случае он был таким».

— Это не столь важно, — сказал Тимофей Васильевич, — а важно то, как он относился к своим обязанностям. Я слышал, что он был очень недоволен «большим террором» 1937—1938 годов. Его секретарь рассказывал одному своему знакомому, а тот, в свою очередь, мне, что он не раз плакал по этому поводу и говорил, что сожалеет о том, что он вместе с другими членами партийной верхушки допустил, что Сталин получил неограниченную власть, и теперь уж, к сожалению, ничего не поделаешь.

Выслушав Павла, Тимофей Васильевич заговорил о своем понимании смысла жизни.

«Человеческая жизнь на протяжении веков претерпевает значительные изменения. Она зависит от формы государственного устройства и тех целей, которые ставят перед собой люди, стоящие во главе государства. После Октябрьской революции к власти пришли большевики. Их цель заключается в том, чтобы поострить социалистическое общество, в котором всё, кроме самого необходимого, будет общим. Однако, по-моему, большевики торопятся. Они считают, что им удастся заставить всех работать одинаково хорошо. Всех сразу же сделать честными. Это невозможно. Человеческое созна-

ние изменяется медленно и под влиянием, прежде всего, материальных условий».

Милиционер Волокитин в годы Великой Отечественной войны незаконно продавал колхозный хлеб и пьянствовал, а колхозники, которые знали об этом, боялись донести на него соответствующим органам с целью прекращения подобного безобразия.

Значительную часть своего хлеба, который производят колхозы, они должны сдавать государству в порядке поставок, фактически бесплатно, за какие-то копейки.

До сознания колхозников постепенно и медленно доходит вопрос: почему они так плохо живут? Почему они, работая много и добросовестно, в своей жизни едва сводят концы с концами? Почему они получают так мало хлеба на трудодни, что им не хватает его даже на то, чтобы сытно поесть? Их интересует: куда все девается, почему колхозы должны почти половину полученного урожая сдавать государству, причем фактически бесплатно?

Получается так, что индустриализация страны, при отсутствии внешних займов СССР, фактически происходила за счет усиленной эксплуатации крестьянства.

– Сталин знал, – подчеркнул Тимофей Васильевич, – что крестьяне не восстанут против советской власти, а если и восстанут, то в силу своей раздробленности потерпят поражение. И власть их так накажет, что они на многие годы запомнят, что нельзя восставать против советской власти».

Тимофей Васильевич на минуту замолчал, собираясь с мыслями.

Павел воспользовался подходящей минутой и задал ему сразу же несколько вопросов.

– Что Вы нам предлагаете, дорогой Тимофей Васильевич? Как нам жить? Чем нам заниматься? Что делать в создавшихся в советской России условиях?

– Я думаю, что мы должны, прежде всего, честно трудиться и ни в коем случае не выступать против советской власти, – ответил Тимофей Васильевич, – которая, по моему мнению, сама падет.

Пытаясь обосновать свой тезис, Тимофей Васильевич говорил Павлу, что по мере роста образования и культуры народов России у них будет происходить рост недовольства ограничениями свободы, и это приведет к снижению и даже падению трудового энтузиазма народных масс, который был характерен для первых сталинских пятилеток.

Отсутствие политической и экономической свободы приведет к снижению производительности труда и тем самым поставит социалистический лагерь перед возможностью утраты им стратегического паритета.

Понимание такой возможности заставит будущих руководителей страны открыть те клапаны, которые позволят выпустить накопившийся пар и создать условия для существования рынка.

— Когда это произойдет, — я не знаю, — заявил Тимофей Васильевич, — но я знаю одно, что это обязательно произойдет.

«Так что же нам делать сейчас?» — вновь спросил Павел. По его недовольному лицу я заметил, что его не устраивает личная позиция, занятая Тимофеем Васильевичем. Ему хотелось что-то делать, и, причем, не только делать, но и делать нечто настолько значительное, что неизбежно изменило бы те условия, существовавшие в советской России.

Однако Тимофей Васильевич с этим был решительно не согласен. Он остановил заготовленную уже тираду Павла против пассивной созерцательности, и ему хотелось показать ее коренную, качественную несостоятельность.

— Вы не знаете, как поступали большевики, их армия и ВЧК с теми людьми, которые выступали против советской власти, а иногда и с теми, кто только думал об этом. Их немедленно расстреливали в годы Гражданской войны, по решению ВЧК, без суда и следствия. Причем делали это по ускоренной процедуре, чтобы излишне не возиться с ними. Таким образом, карательные органы советской власти породили в душах крестьян и интеллигенции страх. Этот страх был подкреплен массовыми репрессиями в годы коллективизации (1929–1933) и в годы "Большого террора" (1937–1938).

Может быть, Вы хотите нарваться на репрессивные действия советских властей? – ядовито спросил Тимофей Васильевич у Павла, – это сделать нетрудно, ведь у НКВД 11 миллионов секретных сотрудников. Вас сотрут в порошок, вы и глазом моргнуть не успеете. К сожалению, в таком случае погибнете, а в стране абсолютно ничего не изменится. Процессы существенных изменений должны быть инициированы сверху. Какими они будут, кто конкретно будет их инициатором? Об этом я ничего не знаю.

Не выступая против советской власти, – говорил Тимофей Васильевич, – я берегу себя, сохраняю себя для жизни в будущей постсоветской России. Там я могу плодотворно участвовать в общественной жизни, а теперь делать это должным образом, в соответствии со своими желаниями, я не могу, не хочу и не буду. Теперь я простой, рядовой гражданин Советского Союза, и Вам, – кивнул он головой в сторону Павла, – действовать также советую.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Павел, взял со стола книжку (это была работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», как я успел заметить на корочке), распрощался с Тимофеем Васильевичем, кивнул мне головой и вышел.

Уже вечерело.

Я постарался быстро расплатиться с Тимофеем Васильевичем и отправился домой.

На прощанье он сказал мне слова, которые я запомнил на всю жизнь:

– Бойся философии. Она пришла с Востока. Она содержит в себе особую восточную мудрость, которая может быть опасной в современный период, в силу неопределенности своих основных положений.

– Что это значит? – настойчиво спросил я.

– Это значит, что надо долго и напряженно думать над ее основными положениями для того, чтобы не промахнуться. Для того чтобы действовать со знанием дела.

Я не стал дальше ни о чем расспрашивать Тимофея Васильевича, поскольку заметил, что за окном уже значительно

стемнело, и нужно было спешить домой.

Дома, представив матери вещественные доказательства своей встречи с Тимофеем Васильевичем, я спросил у нее:

– А что, Тимофей Васильевич не любит советскую власть?

– А кто ее нынче любит? – ответила она, – нынче церкви закрыты. Правда, в последнее время некоторые открылись. Но все равно, религия у властей не в чести, а у него сын – поп. Уже это должно свидетельствовать о том, что он думает об этой власти. Ну да это – его дело. Вот только уж слишком он многоречив, а так, как будто бы, свое дело знает и одежду шьет хорошо. И учит ребятишек в школе грамоте тоже.

Занятый учебными делами, прогулками на лыжах, я и не заметил, как прошли два зимних месяца.

Однажды мартовским вечером на улице в селе Воронино я неожиданно столкнулся лицом к лицу с незнакомым мужчиной.

Он остановился и пристально уставился на меня.

– Что, не узнал? – отрывисто спросил он.

– Нет, – ответил я.

– А беседу у Тимофея Васильевича позабыл? А забывать ты ее не должен. Молодой еще.

В моей памяти всплыл разговор того памятного для меня вечера.

– А где Вы были с того достопамятного вечера? – спросил я у Павла.

– Как где? Находился под следствием. На меня кто-то настучал в органы, будто я собираю колхозников на тайные сходки по вечерам, чтобы организовать покушение на Гришу Порошина, председателя местного колхоза. Нечего и говорить тебе, что это мне и в голову не приходило, но меня задержали и долго допрашивали, пока не убедились, что я тут ни при чем. Среди других вопросов, задаваемых мне следователем, были и вопросы о Тимофее Васильевиче. Когда я рассказал следователю, что Тимофей Васильевич – религиозный, глубоко верующий человек, считающий, что всякая власть, в том числе и советская, дана от Бога, следователь

ответил мне следующее:

– Это мы знаем, поэтому и держим его на свободе, пока не арестуем. Но нам не нравится, что к нему под видом пошива одежды ходят люди. Как бы чего тут не вышло непожеланного».

– Но ведь Вы, наверное, – сказал Павел следователю, – запустили к нему под видом необходимости пошива одежды своих людей, предварительно хорошенько проинструктировав их? И они принесли Вам необходимые сведения?

– Все дело в том, что как раз нет. Все они единодушно утверждали, что все их попытки склонить проклятого швеца к каким-то актам против советской власти благополучно разбивались об его утверждения о божественном происхождении всякой власти, в том числе и советской. Никакие попытки выявления какого-либо осуждения советской власти, не говоря уже об организации выступления против нее, пока не удались.

Конечно, мы можем в любой момент взять его, – продолжал говорить Павлу следователь, – но нас интересует его окружение, а его, сколько-нибудь организованного, нет. Это заставляет нас не спешить с его арестом, тем более что никаких форм борьбы против социализма с его стороны пока нет.

– И не будет, – решительно ответил следователю Павел.

«Я сказал следователю, – продолжал он свой рассказ, – что Тимофей Васильевич – идейный, а не организационный противник советской власти, который не борется с ней и других людей убеждает не делать этого. Следователь всем своим видом показывал мне, что недоволен моими словами.

– Если мы не найдем более убедительного свидетельства о его непочтительном отношении к советской власти, то арестуем его, за что, – мы знаем. Жаль, конечно, что какие-то элементы его оппозиционной деятельности останутся неизвестными нам. На следствии выьем из него нужные нам показания».

Измучив Павла порядком, следователь, убедившись, что он – никакой не контра, в конце концов, отпустил его, на-

мекнув очень осторожно: «Не согласится ли он быть стукачом?»»

— Поблагодарив за доверие, я, конечно, отказался, — утвердительно сказал мне Павел.

— Ну что же, это хорошо и правильно, — подумал я и почтительно простился с ним.

Во время летних каникул я отдыхал, работая на сенокосе в местном колхозе «Урожай» имени Г.М. Маленкова. Мне хотелось находиться у зарода и метать сено, но меня по возрасту туда не подпускали, там стояли мужики. А я должен был накладывать сено на волокуши.

С этой работой я справлялся, и у зарода побывал несколько раз. И вполне успешно.

Однажды, когда на одну сторону зарода привезли одну волокушу, а на другую сторону, где стояли два мужика, — другую, я постарался быстро сметать свой воз на зарод. Поэтому, когда мужики подошли, чтобы помочь мне, им было уже нечего делать. Я все сметал за них. В общем, это было мое юношеское бахвальство, после чего я почувствовал сильную боль в левом боку. Видимо, такая работа была тяжелой для моего сердца.

В сентябре я пошел в школу и одновременно, под предлогом необходимости приобрести новые брюки, я стал просить у матери необходимые для этого деньги, а после покупки серого цвета шевиота я отправился с отрезом к Тимофею Васильевичу в деревню Пихтари.

Уже по внешнему виду старика можно было судить, что он нездоров.

Он встретил меня как старого знакомого и даже хотел угостить чаем, но я отказался.

Он сразу же переключился на годы своей молодости и, видимо, решил поделиться со мной своим опытом юношеской жизни, понимая, что это, вполне возможно, поможет мне в моих дальнейших жизненных исканиях.

Его отец Василий Дорофеевич был священником, решившим дать сыну хорошее образование. Поэтому после домашнего обучения, продолжавшегося около двух лет, ко-

торым занималась мать Александра Георгиевна, он был направлен в город Пермь в Пермскую мужскую гимназию.

«А жить я должен был, — рассказывал он мне, — у сестры матери Клавдии Георгиевны».

Он вспоминал, как осенью 1905 года, они — гимназисты-четвероклассники, вместе с учениками старших классов, ходили смотреть на митинги, слушали митинговых ораторов, героизировали их и мечтали о том недалеком времени, когда они сами повзрослеют и станут участвовать в народных шествиях и манифестациях и направлять их деятельность в нужное им русло.

Потом сам принимал участие в революционном движении.

После окончания гимназии Тимофей Васильевич поступил на первый курс историко-филологического факультета Казанского университета.

Казалось, перед ним открывалась широкая дорога для получения высшего образования и подготовки в перспективе магистерской и докторской диссертаций, а в итоге — присвоение профессорского звания.

Однако этого не случилось. В дело вмешался господин случай.

Однажды его товарищ по факультету и курсу Матвей Александрович Шляпин, который был членом марксистского кружка на историко-филологическом факультете, пригласил его на заседание кружка, где обсуждался вопрос о мероприятиях студентов, направленных против увольнения нескольких прогрессивно мыслящих профессоров университета. О собрании стало известно полиции, один из членов кружка был ее тайным осведомителем.

Как только заседание кружка началось, и студенты приступили к обсуждению вопроса о том, чем они могли бы помочь увольняемым профессорам, появилась полиция.

Пристав, вошедший в комнату, где шло заседание кружка, заявил, что повестка собрания противозаконна, он сейчас же переписет фамилии и имена всех присутствующих на сходке студентов, а завтра будет у ректора, с которым обсу-

дит вопрос о наказании студентов-участников противозаконного собрания.

В результате этого обсуждения, 11 студентов историко-филологического факультета исключили из университета, с решением принять их через год обратно, при условии предоставления положительной характеристики с последнего места работы.

— Мне не повезло, — рассказывал Тимофей Васильевич, — мой отец, возмущившись моим участием в деятельности крайне левого кружка, отказал мне в материальной помощи для продолжения учебы. Пришлось устроиться младшим статистиком в Пермское управление железной дороги. Работа в должности статистика была несложной, и я решил использовать свободное от работы время для занятий, необходимых для достижения политической зрелости.

Тимофей Васильевич познакомился с работами К. Маркса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, В.М. Чернова и других политических писателей. Выросший в деревне и наблюдавший с детства крестьянскую жизнь, он признал наиболее близкую к ней, отражающую ее в программных документах партию социалистов-эсеров, в которую он и вступил. Но ему сразу же не по душе пришлась тактика индивидуального террора.

К убийству, за что бы то ни было, у него душа не лежала. Не нравилось ему и насилие, как метод достижения политических целей.

— Хорошие идеи и цели, — считал он, — не нуждаются в насилии для их реализации.

Сделав свои мысли достоянием первичной эсеровской организации, Тимофей стал объектом критики товарищей по эсеровскому кружку. Ему указали, что без насилия над государственным аппаратом царизма добиться своих целей партии невозможно, поэтому с его взглядами согласиться нельзя.

Убили эсеры Сипягина, Плеве, Столыпина и многих других, что изменилось после этого? Ничего! Нужно действовать другими способами, а именно: нужно убедить в необ-

ходимости передачи помещичьей земли крестьянам не только большинство крестьян, но и самих помещиков, и тогда аграрная реформа будет осуществлена мирным путем. Тогда не будет крови и жертв, не надо революции.

На заседании местной эсеровской организации, где был поставлен этот вопрос, с Тимофеем никто не согласился. Все единодушно, а некоторые очень резко, критиковали его за его непонимание сложившейся в России ситуации. Обиженный товарищами по партии в связи с неприятием его взглядов, считая их, тем не менее, верными, Тимофей вышел из партии и решил в одиночку разрабатывать свою теорию, а затем мирными средствами добиваться ее практической реализации.

Его в партии не удерживали, все эсеры в местной организации были настроены по-боевому, все поддерживали тактику индивидуального террора и без сожаления расстались с «мягкотелым слюнтяем», как выразился один из них во время обсуждения на заседании местной эсеровской организации.

Выйдя из партии, Тимофей, прежде всего, решил заняться самообразованием, считая уровень своих знаний недостаточным для воздействия на людей, которые бы признали его идеи и пошли мирными средствами бороться за них.

Его внимание привлекло христианское учение в православном варианте за его миролюбивый характер.

Он познакомился с учением Л.Н. Толстого о ненасилии. Оно привлекло его своим отрицанием всякого насилия в принципе. Тимофей понимал, что практически улучшать жизнь человечества без применения всякого насилия невозможно, что это утопия, но она нравилась ему своей человечностью, хотя он и видел ее практическую нереальность.

Он решил не примыкать ни к какой политической партии, он не организовал своей партии и решил возвращаться в том узком круге людей, естественно окружающих его, и попытаться прививать им, насколько возможно, свои взгляды.

— Надо самому вести достойную человека жизнь, а затем пытаться, по мере возможности, добиваться, чтобы другие

люди эти принципы приняли и жили в соответствии с ними, – думал Тимофей Васильевич.

Он решил углубленно изучать все учения о ненасилии, чтобы выбрать из них те, которые будут представляться ему наиболее убедительными. Однако его студии были прерваны начавшейся Первой мировой войной.

Его взяли в армию и направили на фронт. И здесь, среди ужасов войны, наблюдая лично ее бесчеловечное лицо, он укрепился в верности того миропонимания, к которому он пришел до войны.

В 1916 году ему пришлось участвовать в так называемом Брусиловском прорыве, в результате которого русская армия под командованием А.А. Брусилова прорвала фронт австро-венгерских войск и захватила много пленных.

Тимофей мог воочию убедиться в том, что война – это величайшее несчастье для всех людей, не только для убитых, для которых прекращается самое дорогое – их жизнь, высшая ценность, существовавшая для них на Земле, но и для раненых, искалеченных и пленных, оторванных от своих семей, от своих домов, от родины, вынужденных жить в тяжелых, принудительных условиях в чужой стране, среди чужого для них народа.

Сами факты сражений большого количества артиллерии производили на русских и немецких солдат, участвовавших в бою, потрясающее впечатление: во время одного из крупных сражений огонь с каждой минутой становился сильнее. Цепи русских солдат, лежавшие на открытом месте, без прикрытия, пришли в смятение. Снаряды летели с тыла. Они ложились точно на русские цепи, уничтожая целые взводы. Пехота побежала и смешалась с резервами. Почти сейчас же к ним присоединились батареи, менявшие в это время позиции.

Беспорядочное скопление людей, лошадей, зарядных ящиков, санитарных двуколок, окутанных черным дымом взрывов, представляло ужасное зрелище и на всю оставшуюся жизнь запомнилось Тимофеем Васильевичу. Никто ничего не понимал. Прапорщики бегали среди солдат, размахивая

револьверами. Началась паника, которую не скоро удалось остановить.

После таких сражений Тимофей Васильевич решил при первой же возможности уйти от этого ужаса. Скоро случай представился. Тимофей был ранен в плечо. После выздоровления он добился на комиссии отправки домой. Рана долго не заживала, правая рука не поднималась.

Вернувшись домой, он решил заняться посильным для него видом труда. Выбор его пал на пошив одежды. Это был не тяжелый вид физического труда. А что касается снятия мерок и разного рода прикидок, то он быстро освоился с подобной работой, поучившись у знакомого пермского швеца, длительное время занимавшегося этим видом труда и превосходно его знавшим. Пройдя двухнедельные курсы обучения у этого швеца, Тимофей вполне освоил швейное дело и мог самостоятельно изготавливать изделия по личному заказу клиентов и даже на рынок.

Занимаясь швейным ремеслом, Тимофей Васильевич обеспечивал себе возможность как-то жить, более или менее питаться и даже стал подумывать о том, чтобы жениться на дочери соседа, бойкой и смазливой девушке, которая ему нравилась. Но этот номер ему не удался.

Пока он любезничал с соседкой, уговаривал ее выйти за него, началась Гражданская война, и он был мобилизован в Красную Армию.

Что касается местной школы, то он только начал в ней осваиваться.

Осенью 1918 года части Красной Армии на Восточном фронте отступали. Самым крупным поражением «красных» стала «Пермская катастрофа» в декабре 1918 года, повлекшая за собой сдачу «белым» города Пермь.

После потери Перми в ЦК партии большевиков всполошились и предприняли ряд конкретных мер по укреплению Восточного фронта.

Для расследования обстоятельств сдачи Перми «белым» на Восточный фронт была направлена специальная комиссия во главе с И.В. Сталиным и Ф.Э. Дзержинским. На фронт

выехал и наркомвоен Л.Д. Троцкий, обладавший ораторским даром и умевший воодушевлять и зажигать войска.

В результате укомплектования Красной Армии новыми войсковыми соединениями сначала удалось остановить наступление колчаковских армий, а затем и самим перейти в наступление и начать отодвигать «белых» на восток. К осени 1919 года Урал был очищен от «белых» армий.

Тимофей Васильевич к этому времени уже был дома, летом 1919 года он был ранен и после продолжительного пребывания в госпитале был комиссован.

В это время он окончательно утвердился в мысли, что любая война, и империалистическая, и гражданская, есть величайшее бедствие для народов, которые в ней участвуют.

Впоследствии, женившись на Оксане Андреевне, он занялся уже знакомым ему ремеслом. К этому его обязывали и семейные обстоятельства: росла семья, вначале родился сын Петя, а затем дочь Людмила, которая вскоре умерла. Нужно было обеспечивать семью всем необходимым, и серьезное занятие портняжным ремеслом предоставляло ему такую возможность. Незначительную часть средств давали ему занятия в школе.

Ведя замкнутую жизнь отшельника, вращаясь, в основном, в кругу семьи, Тимофей Васильевич продолжал развивать свое непротивленческое учение, что выражалось не только в чтении религиозных и светских книг, но и в редких беседах с клиентами, которые приходили к нему по делам, связанным с заказом одежды. Тимофей Васильевич беседовал на темы о развитии общества в России не с каждым приходившим к нему клиентом, а только с теми, которые, как ему казалось, могли поддержать разговор по этим вопросам. А такие встречи и разговоры возникали не часто. Зато в них он, как говорится, «отводил душу», здесь он выкладывался весь без остатка, излагая сущность своего учения. Он воодушевлялся и так горячо, доходчиво, понятно излагал суть данного учения, что это производило неизгладимое впечатление на клиентов, которые удостаивались его замечательных филиппик.

В своих беседах он не мог не касаться современной ему действительности, и делал это он в своеобразном изложении. Он считал, что НЭП – это бывший буржуазный строй, который, правда, находится под руководством коммунистов и который постепенно приведет к перерождению и к ликвидации социализма как такового, а со временем коммунисты переродятся и станут иными. Они будут сторонниками рыночной экономики, правда, регулируемой со стороны государства.

Это приведет к тому, что государство, регулируя экономические отношения, будет стремиться различного рода мероприятиями не допускать бедность и нищету народа, сглаживая и нивелируя бедность, не допуская ее сколько-нибудь значительного развития. Некоторые клиенты не соглашались с Тимофеем Васильевичем, находя его взгляды утопическими, сомневаясь, что коммунисты могут отступить от основных принципов своего мировоззрения, сущность которого, по их мнению, заключалась в равенстве. Например, если ты действительно коммунист и имеешь две рубашки, а у твоего соседа нет ни одной, то ты должен одну рубашку отдать ему бесплатно, чтобы практически реализовать коммунистический принцип равенства.

Тимофей Васильевич не соглашался с этим. Он считал, что аппетит у каждого человека к приобретению вещей растет, как аппетит во время еды – чем больше человек имеет материальных благ, тем сильнее у него растет тяга к дальнейшему приобретательству. И заимев значительное состояние, человек, будь он даже коммунистом, добровольно никогда не откажется от него.

Тимофей Васильевич не принял тезис Петра Ивановича, крестьянина, разбогатевшего при НЭПе, что этот период в жизни советской России скоро закончится, и наступит период коммунизма, при котором все коровы будут сведены на общий двор, лошади – на единый конный двор, а все люди, живущие в одной деревне, будут завтракать, обедать и ужинать в одной общей столовой.

– Все будет общим, и этот период, предсказывал он, наступит довольно скоро, – сказал ему Петр Иванович.

– Как бы я вежливо и терпимо не относился к социалистическому режиму, существующему в СССР, я не могу согласиться с такими взглядами и думаю, что народ не допустит этого. Если это произойдет, то это будет казарменный коммунизм. А если это все же наступит, то еще не скоро», – подчеркнул Тимофей Васильевич свою мысль о времени наступления коммунизма в Советском Союзе. В решениях XIV съезда ВКП(б) уделяется большое внимание индустриализации страны, за ближайшие два года капитальные вложения в промышленность должны возрасти в полтора раза, а о таких жестких и в то же время конкретных капитальных вложениях в сельское хозяйство страны ничего не говорится. Для этого, видимо, потребуется другое, более позднее время, более поздние сроки.

Петр Иванович возразил:

– Видимо, вопросы развития сельского хозяйства будут рассматриваться на следующем партийном съезде, который состоится, по крайней мере, через два года, то есть это уже не очень большая оттяжка с решением аграрного вопроса. Люди вполне в состоянии потерпеть и через пару лет узнать, что будет с сельским хозяйством, какими темпами и в каких формах оно будет развиваться.

– Отступление большевиков от своих коммунистических принципов при НЭПе было очень значительным, – подчеркнул Тимофей Васильевич, – остается только пожелать, чтобы и впредь они придерживались таких же принципов.

– Но этого больше не будет, – возразил Петр Иванович, – мы отступали, говорил еще Ленин, хватит отступать. Теперь перед нами стоит другая задача – перегруппировка сил, которая означает конец отступления и начало наступления на НЭП. Так что у него, как самостоятельной формы общественного хозяйства, перспективы нет и не будет, – заявил Петр Иванович.

– Не соглашусь я с Вами, – заметил Тимофей Васильевич, – по моему мнению, НЭП вводится, как говорил Ленин,

«серьезно и надолго.

– Но Ленина уже нет, и то, что он говорил, для современных руководителей партии и правительства, не обязательно, – сказал Петр Иванович.

– Все это может быть и так, но они клянутся, что идут по ленинскому пути, что они будут претворять в жизнь заветы В.И. Ленина, – согласился Тимофей Васильевич.

– Посмотрим и увидим, что будет дальше, – заметил Петр Иванович, – мне кажется, что Сталин скоро начнет свертывать НЭП и круто брать курс на социалистическое преобразование сельского хозяйства. Что касается промышленности, то курс на ее быстрое развитие уже взят, в результате его практической реализации через несколько лет Советская держава будет развитой социалистической страной.

– Дай Бог, чтобы это было действительно так, но откуда советское руководство возьмет средства для индустриализации? – ехидно спросил Тимофей Васильевич.

Но Петр Иванович, уже, видимо, заранее был готов к этому ответу. Он сразу же, без малейшей заминки, стал отвечать.

– Средства на индустриализацию страны могут быть различного происхождения. Во-первых, ими могут быть внешние займы. Однако для нашей страны этот источник будет недоступен, по самой природе социализма он должен быть исключен. Капиталистические страны никогда не поймут на то, чтобы растить и укреплять своего врага – первую в мире социалистическую державу.

Другим источником для индустриализации являются внутренние средства. Например, обложение тяжелой данью представителей сельского хозяйства. Индустриализация страны, – продолжал Петр Иванович, – предполагает перелив части населения страны из сельского хозяйства в промышленность, то есть из деревни в город. По мере индустриализации страны спрос на рабочие руки в сельском хозяйстве сокращается, и абсолютно, и относительно, то есть сокращается общее количество крестьян, работающих в сельскохозяйственном производстве. Одновременно сокращается

потребность в количестве крестьянских рук, вследствие все расширяющегося применения высокопроизводительных машин: тракторов, комбайнов, различного рода сеялок и т. п.

С данным вопросом в Политбюро выступил Троцкий, а Сталин, хотя и не согласился с ним, заявив, что мы не позволим разрушать Союз рабочих и крестьян, однако втайне был согласен с ним, и вся его политика в последующем будет свидетельствовать об этом. Так что, дорогой Тимофей Васильевич, Вы не правы, и, по-моему, скоро начнется кооперирование сельского хозяйства, жизнь крестьян в деревне будет значительно труднее, чем была. Они должны будут нести на своих плечах бремя индустриализации страны, – подытожил Петр Иванович.

– Откуда ты все это взял, уважаемый Петр Иванович? – с явной заинтересованностью в голосе спросил Тимофей Васильевич.

– Надо «Правду» читать, Тимофей Васильевич, кроме того, мне хорошо знаком председатель Воронинского сельского Совета Василий Матвеевич Чернышев. Я с ним иногда по вечерам встречаюсь, и он мне рассказывает о тех идеях, которые крутятся наверху и скоро будут спускаться на низы, как руководящие директивы.

– У меня нет знакомых в партийной и советской верхушке, – сказал швец и учитель, – но я советуюсь со своей совестью и со своим здравым смыслом, и они подсказывают мне, что нэповская основа экономики серьезна, научна и может послужить основой экономики России на длительные времена. Совесть народа и его возможность жить, не бедствуя, – вот та основа, на которой держится социалистический строй, и если он перейдет к попыткам атаковать этот строй, то неизбежно потерпит при этом сокрушительную неудачу.

– Мне кажется, – заявил Петр Иванович, – что через несколько лет мы будем свидетелями крутого перелома в экономике Советской России, который коренным образом изменит ее лицо и сделает ее действительно социалистической державой».

Диалог Петра Ивановича и Тимофея Васильевича закон-

чился свидетельством о расхождении их взглядов. В дальнейшем я уже не был ни разу свидетелем их спора по политическим и социальным вопросам развития нашего Отечества.

Начавшаяся в 1929 году массовая коллективизация сельского хозяйства происходила на основе ликвидации кулачества, как последнего эксплуататорского класса в стране.

Известно, что многие тысячи крестьян, не кулаков, а просто зажиточных, не эксплуатировавших чужого труда, были выселены в отдаленные районы страны: в Архангельскую область, в Казахстан, в Западную Сибирь. Решение вопроса о выселении было отдано на откуп местным органам власти, то есть бывшим беднякам, которые воспользовались этим для сведения различных старых счетов со своими соседями.

Отца Тимофея Васильевича – Василия Дорофеевича решили выселить. Тимофей поехал в Москву, побывал на приеме у Калинина, где попытался доказать, что отец, будучи священником, не призывал к свержению новой власти. Калинин ответил, что вопрос о выселении теперь передан на усмотрение местных органов власти, вот как они решат, так и будет. Высшая власть ничего не может поменять, ибо она сама передала ведение этого дела в компетенцию местных органов.

Мотивируя этим положением, он отказал Тимофею Васильевичу в его просьбе. И Василий Дорофеевич был выслан на север Пермской (тогда Уральской) области, где через несколько лет после тяжелой работы заболел воспалением легких и скончался в 1939 году.

Свидетельством о выселении людей местными органами власти является другой случай.

В селе Степаново решили выселить семью Константинова Николая и его жены Анны. Когда их соседка Шептякова Клавдия встретила жену Александра Федорова, игравшего главную роль в комиссии местного совета по выселению, она прямо заявила ей:

«За что ты высылаешь Анну? Что она тебе плохого сде-

лала? Как тебе не стыдно за это?»

Опроша, так звали жену Федорова, ответила: «Я не высылала их. И если это сделали, то сделали без меня, и я постараюсь вернуть их, если они даже уже уехали».

И голос этой активистки был так весом и так много значил, что семью Константиновых вернули с пути следования на выселение, хотя они успели отъехать на расстояние четырех километров от своего дома.

Тимофей Васильевич все эти годы жил в родном селе Воронино и занимался своим ремеслом, которое давало ему достаточные средства для жизни. В колхоз он не вступал, да его особенно, как сына сосланного священника, и не приглашали. А его учительство в школе сдерживало попытки давления на него.

Наступил 1937 год – год «Большого террора». Тысячи людей в разных городах и областях страны пострадали от него. Село Воронино он обошел стороной.

Система террора была построена на ложном доносителстве. А в Воронино жили потомки бывших государственных крестьян, свободные духом, гордые и уверенные в своих силах. Они считали ниже своего достоинства заниматься доносителством. Поэтому в селе от террора пострадало всего несколько человек, не являвшихся его коренными жителями. Их арестовали за другие дела, совершенные в других местах, где жили их доносители.

Затрагивая эту тему в разговорах со своими клиентами, Тимофей Васильевич неизменно отмечал, что даже в вопросе, касающемся жизни и смерти, проявилось достоинство русского народа. Там, где ему жилось лучше в его прошлом, среди его состава теперь, в настоящее время, не оказалось мерзавцев и подлецов, думающих и желающих добра только себе, а не другим людям, в частности, соседям. Душевное благородство человека Тимофей Васильевич считал главным богатством.

Встретив его через несколько лет, я был поражен теми изменениями, которые произошли в его внешности: он стал еще меньше ростом и как-то весь согнулся. Окладистая бо-

рода и волосы на его голове совсем побелели, голос стал тихим, но по-прежнему звучал внятно и приятно, речь текла свободно, без всякого подыскивания слов и заикания.

Я пришел к нему под надуманным предлогом – сшить шапку. Я, конечно, мог ее купить в любом специализированном магазине, но мне было интересно увидеть человека, который в детские годы произвел на меня такое неизгладимое впечатление.

Он не узнал меня и вообще в ходе разговора несколько раз пожаловался на все ухудшающуюся память. Ему было уже семьдесят восемь лет. Жизнь его подходила к концу, видимо, он знал и чувствовал это. Поэтому он сосредоточил свое внимание в разговоре о смысле жизни и о том, как его достичь в положительном смысле. При этом он исходил из религиозной интерпретации этого понятия.

Человек, по его мнению, должен был проживать жизнь не зря, проводя целые дни не в пустых разговорах, а в делах, направленных на пользу другим людям. Вот это понятие «жить для других» особенно занимало Тимофея Васильевича, и весь разговор крутился вокруг этого.

– Вот старик Егор Михайлович, ему уже девяносто шесть лет. Он уже немощный, плохо ходит. Ему надо помочь, сошью ему рубаху и штаны, а платы не возьму. Немощный он, зарабатывать на прокорм себе не может. Хоть немного пособию ему, и его жена Анна Петровна, которая моложе его на тридцать лет, будет довольна. А то сердится на старика.

А что делать? Надо помогать ему доживать его долгую жизнь. Я помогу ему, чем могу: и бесплатным изготовлением одежды, и дам немного денег, ну хоть двадцать рублей, и то вперед, а там, – смотришь, и другие соседи что-нибудь подбросят, ну и проживет Егор Михайлович еще немного. Пока, наконец, не придет конец его долгой и достойной жизни, – рассказывал Тимофей Васильевич.

Егор Михайлович умер на девяносто седьмом году жизни, и в числе провожавших его в последний путь был и Тимофей Васильевич.

В своей короткой, но содержательной речи над могилой бывшего престарелого купца он говорил о том, что тот прожил достойную человека жизнь, самоотверженно трудился вплоть до последних лет своей жизни. Даже гроб для себя изготовил заранее сам, чтобы не доставлять хлопот своей семье.

В годы Гражданской войны, с приходом «белых», он, по доносу одного из сельчан, был ими выпорот за то, что его сын Александр служил в Красной Армии. Егор Михайлович, уже будучи стариком, тем не менее стойко перенес страшную боль, доставленную ему этой экзекуцией. Кожа на его спине во время порки была содрана и не заживала в течение двух недель. Он не мог спать и со скрипом зубовым ворочался на пуховой постели.

Тимофей Васильевич помогал Наташе «Глухой», прозванной так за ее плохой слух. Он вспахивал ей бесплатно огород, а Настасье Ляминой, восьмидесятилетней старушке, подарил специально для нее сшитые им кофту и юбку.

Несмотря на помощь, оказываемую им престарелым и больным односельчанам, он был недоволен собой и считал ее крайне недостаточной.

Поскольку церковь в Воронино была закрыта, Тимофей Васильевич все-таки крестил новорожденных детей, для чего сделал дома самодельную купель. И те родители, которые хотели, чтобы их дети стали крещеными, получили такую возможность. Правда, детей крестили не в церкви и ненастоящий поп, но многие колхозники шли к Тимофею Васильевичу, уважая его и считая, что он правильно исполняет службу, связанную с процедурой крещения, ведь его отец был священником.

Для того чтобы исполнять и другие христианские акты (венчание и отпевание), Тимофей Васильевич уговорил своего сына после окончания школы поступить в Московскую духовную семинарию для получения сана священника, тем самым продолжить потомственную профессию.

Сын согласился с просьбой отца и уехал в Москву на учебу. После окончания семинарии сын Тимофея Василье-

вича был рукоположен в священники, служил в храме села Мазунино. Иногда он, помогая отцу, исполнял христианские требы на дому у последнего.

Все это способствовало поднятию авторитета Тимофея Васильевича у колхозников села Воронино, а также других, окружавших его сел и деревень. Люди не только знали его, но и благодарили за его большую доброту, теплоту души и за необычное душевное благородство.

Однако всё это очень не нравилось местным властям, в частности, председателю Воронинского сельского Совета Николаю Сергеевичу Тепляшину и милиционеру Григорию Григорьевичу Мухаматову.

Разговаривая как-то по служебным делам, они коснулись жизни и деятельности Тимофея Васильевича.

– Не нравится он мне в этой роли подпольного попа, все это противозаконно. Но что делать, ни на чем большем я его поймать не могу. А надо бы его посадить, допросить и отдать под суд. Может быть, и дали бы ему хотя бы небольшой срок тюремного заключения, – сказал Мухаматов.

– Так в чем дело? Что мешает этому? – спросил Тепляшин.

– Все дело в том, что нет законных оснований для его ареста и тем более суда, – ответил Мухаматов, – он не нарушает советских законов, а без доказательств затевать это дело бесполезно и даже рискованно. Как мы будем чувствовать себя на своих местах в случае, если народный суд нашего Калининского района оправдает его? – закончил свою тираду Мухаматов.

– Надо попробовать повлиять на судей через райком партии, они помогут. Они ведь члены партии, – сказал Тепляшин.

– Не знаю, навряд ли, – ответил Мухаматов, – нынешний первый секретарь райкома Метельский – законник, и он вряд ли пойдет на это, а еще как бы он в ответ на такую незаконную просьбу не поставил на бюро райкома вопрос об атеистическом воспитании трудящихся в нашем селе, нашей школе и других учреждениях нашей округи.

– Волков бояться – в лес не ходить, – заявил Тепляшин, который лично терпеть не мог Тимофея Васильевича и готов был сейчас же засадить его в тюрьму и сгноить там.

Лишенный тепляшинского безрассудства, Мухаматов, также презирая Тимофея Васильевича, понимал, что того так просто голыми руками не возьмешь. Нужны основания, реально свидетельствующие о его антисоветской деятельности, а поскольку их не было, вопрос о том, чтобы осудить Тимофея Васильевича по суду и засадить его в тюрьму, хотя бы на короткий срок, повисал в воздухе. Поэтому милиционер ломал себе голову над тем, как бы найти что-то противозаконное у этого тайного попа и засадить его за решетку, хотя бы на полгода или, в крайнем случае, на год.

Подход председателя местного совета ему не нравился, так как он считал его легковесным и, скорее всего, обреченным на неудачу. Он считал, что необходимо в действиях местного швеца одежды и учителя для сельчан найти нечто, что хотя бы немного выходило за рамки закона. Затем воспользоваться найденным нарушением и отдать Тимофея Васильевича под суд.

После долгих поисков нарушения законности в деятельности местного швеца милиционер, наконец, нашел, к чему можно придраться. Тот крестил детей жителей села в качестве подпольного попа. Решив использовать этот предлог, Мухаматов стал собирать необходимые документы, что оказалось непростым делом.

Тимофея Васильевича знали в селе все, и у всех он пользовался большим авторитетом, поэтому никто не желал признаваться, что у него крестил ребенка. Люди опасались милиционера Мухаматова, предполагали, что в случае признания факта неофициального крещения детей и отправления дела в суд, и самому милиционеру несдобровать. А если у Мухаматова возникнут неприятности, то он постарается переложить их на родителей детей, которых крестил Тимофей Васильевич. Поэтому милиционеру не удалось найти ни одного родителя, который бы признался в этом.

Не найдя ни одного подходящего свидетеля по делу кре-

щения детей, Мухаматов решил пойти испытанным путем. Он нашел одного пьяницу, Федора Ивановича Киселева, которого угостил вином, а когда тот изрядно захмелел, заставил его подписать заранее заготовленную им бумагу. Это было ложное заявление от Киселева, в котором тот сообщал, что он 14 августа 1948 года в 10 часов вечера случайно зашел в дом местного мастера по пошиву одежды Тимофея Васильевича Бессонова, а у него якобы в тот момент находились шофер местного колхоза Александр Петрович Сенокосов с женой и ребенком в дальней части большой комнаты. Там стояла ванна, наполненная водой, в которой только что, перед самым его приходом, крестили сына Сенокосова, двух месяцев от роду, и нарекли Александром. По словам Киселева, ребенок еще плакал по причине неловкого погружения его в святую воду, но мать быстро его успокоила, опасаясь непрошенного свидетеля в лице Федора Ивановича, имевшего репутацию пьяницы.

Они поговорили о разных делах, имевших место в селе, в частности, о том, что в местном магазине по случаю уборки урожая не стали продавать водку, что особенно беспокоило Киселева.

На что Тимофей Васильевич сказал:

– Не вечно и недолго так будет продолжаться. Вот убьют урожай, и продажа спиртного возобновится, все будет, как и прежде.

– Надеюсь, что это будет так, – с удовлетворением сказал Федор Иванович.

– Для вас будет тогда вновь раздолье, – произнес Тимофей Васильевич.

Положив заявление Киселева в папку будущего дела, Мухаматов решил продолжать поиски нужных людей, которые смогли бы дать реальный и весомый материал для будущего судебного дела против Тимофея Васильевича. И ему случайно повезло в деле поисков свидетелей против местного мастера по пошиву одежды.

Ольга Алексеевна, бойкая и разбитная женщина, жена местного комбайнера, была весьма темпераментна, и помимо

своего мужа, который был значительно старше ее, облюбовала своего соседа Николая Григорьевича, тракториста местного колхоза. Последний, высокого роста, крепкого сложения человек, очень нравился Ольге Алексеевне.

Узнав о тайном романе своего мужа с женой Тимофея Васильевича, жена комбайнера сильно обиделась и поклялась ей отомстить.

Когда Мухаматов пригласил Ольгу Алексеевну в сельсовет к себе в кабинет, та охотно пошла к нему, заранее готовая сделать любую пакость своей сопернице. Поэтому она сразу же согласилась на просьбу милиционера написать заявление против Тимофея Васильевича. В заявлении она сообщила, что лично видела, как к дому Тимофея Васильевича поздно вечером подходили родители с маленькими детьми на руках, как потом из дома раздавались глухие песнопения, а иногда детский плач, как она однажды в это время зашла в дом швеца и учителя и увидела там самодельную купель, в которую погружали ребенка, стала свидетелем ритуала крещения в исполнении Тимофея Васильевича.

— Он — старикашка и уже не в силах удовлетворить похоть неизъезженной кобылы Ольги Федоровны, — жаловалась она Мухаматову.

— Ну, об этом не надо, это ваше личное дело, — сказал Мухаматов.

— Как это не надо! — взвизгнула Ольга Алексеевна, — я только ради этого и говорю все это.

— Нам надо засудить его, а если мы сумеем сделать это, то и ты доставишь неудовольствие своей противнице. Если его посадят, она останется одна. Ей не на что будет жить, она должна будет работать. Надеюсь, ты понимаешь, что тебе от сознания этого будет хорошо? А уж мы постараемся засудить Тимоху и посадить его в тюрьму. После этого она поскочит с голоду в поисках куска хлеба. Это все обязательно будет, если только ты будешь меня слушаться и будешь делать то, что я тебе скажу.

— Буду делать все, чтобы сильнее прищемить эту голодную стерву, — прошипела Ольга Алексеевна.

– Ну, вот и хорошо. Завтра я представляю тебе на подпись ряд бумаг, а после этого недолго придется ждать суда и осуждения Тимофея Васильевича на ряд лет, – сказал Мухаматов.

– Только бы посадить на как можно более продолжительный срок, – процедила сквозь зубы Ольга Алексеевна.

– Это уж как получится, но, во всяком случае, он будет посажен в тюрьму, за это я ручаюсь, – с удовлетворением произнес Мухаматов.

Придя на следующий день в сельсовет, Ольга Алексеевна зашла в кабинет милиционера. Поздоровавшись с ней, Мухаматов вручил ей пачку бумаг, которые просил подписать. Она подписала.

Мухаматов забрал их и сказал: «Теперь жди приглашения повесткой в суд. На суде все выяснится, и Тимофея Васильевича обязательно осудят и посадят в тюрьму. Это как раз то, чего ты так жадно ждешь».

Через два месяца Мухаматов через вестовых вызвал Ольгу Алексеевну к себе. Когда она вошла в его кабинет, он ей сообщил: «Завтра я еду в район и узнаю, когда начнется суд по делу Тимофея Васильевича. По-моему, скоро, через два-три дня. Там все решится, и он обязательно будет сидеть в тюрьме, а твоя соперница будет обречена на трудную, тяжелую жизнь. Мы выиграли это дело, и тебе, и мне будет хорошо. Так что давай заранее отметим этот день».

С такими словами он встал, вышел в другую комнату и через минуту вернулся, неся перед собой поднос с чайным сервизом, бутылкой коньяка, двумя рюмками и двумя стаканами. Наполнив рюмки из открытой бутылки, он подвинул одну рюмку Ольге Алексеевне, а другую взял себе. «Давай теперь отметим нашу победу над нашими противниками и попробуем настоящего удовольствия. Я думаю, что ты никогда по-настоящему не испытывала его, хотя у тебя внешне очень приличный муж».

– Он, к сожалению, настоящий гад. Всю свою мужскую силу, всю страсть, все ласки он отдает ей, этой черной сволочи, которая ему нравится, даже сверх его возможностей. Я

не знаю, как его отучить от нее, как сделать так, чтобы он обратил, наконец, внимание на меня, чтобы мне не прилагать усилий для того, чтобы он мне отдавал свой мужской долг.

– Для этого требуется только одно, – сказал Мухаматов, – надо, чтобы он узнал, что у тебя тоже есть любовник, что ты вовсе не нуждаешься в его увеселениях.

– Не знаю, подействует ли на него даже это. Боюсь, что нет. Он так влюблен в эту черномазую дуру, что никогда не сможет от нее отстать.

– Так надо помочь ему в этом деле, – сказал Мухаматов Ольге Алексеевне, придвинул к ней рюмку и предложил тост за их дружбу и любовь. После нескольких минут колебаний и сомнений она выпила содержимое рюмки.

Мухаматов снова сразу же заполнил рюмки вином и после третьего тоста за то, чтобы суд решил дело в их пользу, он остановился и решил подготовить Ольгу к тому делу, которое он замыслил.

Поскольку к этому времени его собеседницу уже заметно развезло, он стал ее соблазнять.

Однако она, поняв его намерения, неожиданно заявила, что боится близости с ним, что скажет и что с ней сделает ее муж, если узнает об этом.

– А как он узнает и от кого? – спросил Мухаматов. – Здесь ведь никого нет, здесь только мы вдвоем, и если кто-то из нас не проговорится, следовательно, об этом никто и никогда не узнает.

– Эта встреча будет не единственной, а, следовательно, неизбежно кто-то из нас допустит ошибку, что станет известно всем, – изрекла Ольга Алексеевна.

– Нет, этого не будет никогда, – подчеркнул Мухаматов, приблизившись к Ольге, обнимая и целуя ее. А поскольку она нерешительно возражала против его ласк, он схватил ее, поднял и понес в другую комнату, где осторожно положил на кровать. Здесь он дрожащими пальцами стал быстро расстегивать ремни на своей одежде. Мгновенно завершив это дело, он стал раздевать Ольгу Алексеевну. Она слабо сопротивлялась. Завершив процедуру раздевания, он лег рядом с

Ольгой и обнял ее за талию. Она не сопротивлялась. Нестерпимое блаженство заполнило его душу каким-то знойным бредом. На мгновение среди белого пятна подушки Мухаматов со сказочной, небывалой ранее отчетливостью увидел близко голубые глаза Ольги, сиявшие безумным счастьем, и жадно прижался к ее телу.

Невыразимая истома заполнила его тело. И он отдался ей. Он пришел в чувство, услышав страстный шепот Ольги:

— Как мне хорошо!

Мухаматов отлично помнил, как он осторожно отодвинулся от Ольги, встал и стал одеваться.

— Милый, ты уже уходишь? Мне жаль, что так скоро.

Застегнув ворот рубашки, он наклонился над ней и стал покрывать ее лицо и губы страстными поцелуями. Его снова потянуло к ней, он огромным усилием воли удержал себя от повторения того, что было.

Истощив запас своих ласк, Мухаматов присел на краешек кровати и прошептал:

— Завтра вечером я позвоню тебе, и мы договоримся о следующей встрече.

— Как это будет хорошо, — ласково прошептала Ольга. Она настороженно и внимательно смотрела на Мухаматова, ожидая, что он скажет на прощанье.

Но он спешил на службу. Он знал, что вечером, в 21 час, он должен встретиться с председателем местного совета и рассмотреть вопрос о хищении крупной суммы денег в местном сельпо.

Дело это не касалось председателя сельсовета, но тот случайно об этом узнал от одного знакомого и счел необходимым немедленно сообщить о нем Мухаматову, который был достаточно ретивым в расследовании такого рода вопросов.

Он спешил, поскольку считал себя обязанным быть на службе, которой очень дорожил, и считал себя, и не без оснований, одним из лучших милиционеров в районе по раскрытию разного рода преступлений, связанных с хищениями социалистической собственности.

Не встретив по дороге в сельсовет никого из своих знакомых, Мухаматов, без пяти минут девять, ни на минуту не опоздав, вошел в сельсовет.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНТА

— Ну как, ты решился доложить о ворах в нашем сельпо в районную прокуратуру? — спросил Мухаматова председатель сельского совета Николай Сергеевич Тепляшин, как только тот вошел в его кабинет.

— Я хочу посоветоваться с Вами, как будет лучше поступить с ними: передать их дело в руки следствия, и тогда их, несомненно, посадят, или предложить им заплатить те 8 тысяч рублей, которые они украли, и спустить это дело на тормозах.

— Смотрите, как, по-вашему, будет лучше. Это Ваше дело, — рассудительно заключил Тепляшин.

— Я склоняюсь к тому, чтобы передать их дело в руки следственных органов, чтобы они хорошенько разобрались в этом деле и посадили воров на положенный по закону срок. После этого другим неповадно будет. Количество воров в нашем околотке станет меньше, если мы будем беспощадно преследовать их. В тюрьме сидеть, как известно, никому не хочется, — резонно заметил Мухаматов. — Опыт моей работы в Ординском районе свидетельствует об этом. За четыре года работы там мной было посажено за решетку 22 человека. По этому показателю мой участок был на первом месте по району.

— Значит, ты по этому показателю ходил в передовиках по району? Тогда непонятно, почему ты оказался здесь, что, там всех воров пересадил что ли? — спросил Тепляшин. — Я не пойму, в чем тут дело? Почему ты оказался здесь?

— Дело в том, что, как говорится, нашла коса на камень. Я не согласился спустить на тормозах дело о хищении 38 тысяч рублей из районного магазина, и повинен в этом

был завмаг, племянник районного прокурора Аристова Сергея Борисовича.

Аристов создал преступную группу, состоявшую из трех человек, в которую кроме него входили главный бухгалтер Голубева Таисья Васильевна и товаровед Свиньин Эдуард Никифорович. Они вместе, в интересах личного обогащения, повысили цены на конфеты на 30%, одежду – на 10%, велосипеды – на 30%. Когда племянник понял, что дело зашло далеко, и оно передано в следственный комитет для принятия соответствующих мер, он, естественно, обратился к дяде с настоятельной просьбой: «Спаси!»

Тот вызвал меня, решив навести справки: «В чем дело?» Я ничего не скрывал и прямым текстом заявил прокурору, что совершено хищение средств на крупную сумму путем повышения цен на ряд товаров, продаваемых в раймаге. Прокурор предложил мне это дело прекратить, а когда я решительно отказался, он попросил меня уйти с моего места работы по собственному желанию.

На мое заявление, что я буду вынужден обратиться в областную прокуратуру, он спокойно сказал: «Можешь обращаться с жалобами хоть в Верховный Совет СССР – я этого не боюсь. Но я твердо говорю тебе, что ты больше здесь работать не будешь. И никто в мире не сможет этого изменить, пойми это и не пытайся скандалить. В результате, тебе же будет хуже.

Не веря этому, я пошел на прием к первому секретарю Юго-Осокинского райкома партии Петрову Ивану Ивановичу, который, внимательно выслушав меня, сказал, что прокурор абсолютно прав, я только зря раздуваю это дело, забрызгаю грязью многих культурных людей и, в результате, все равно вынужден буду уйти отсюда, так как всех ради меня одного не посадят в колонию, а легче и проще убрать меня отсюда, и дело с концом. Подумав, – продолжал Мухаматов, – я понял, что плетью обуха не перешибешь, все начальство района никто не станет наказывать ради рядового милиционера, младшего лейтенанта милиции Мухаматова Гри-

гория Григорьевича. В результате этих размышлений и конкретных шагов, предпринятых мной, я и оказался здесь.

– Хорошо, что ты правильно все понял и правильно все решил. А что ты здесь хочешь, заваривая снова кашу с работниками Воронинского сельпо? Не повторится ли и здесь то, что уже было в Юго-Осокино? – участливо спросил Николай Сергеевич.

– Нет, – ответил Григорий Григорьевич, – здесь другая ситуация, здесь все будет по-другому, здесь ни у Горохова, ни у Хабарова нет могучего дяди, который мог бы их спасти. Они обречены и сядут за решетку, и никто их не спасет.

Я интересовался их окружением, их родственниками, у них никого нет наверху. У Ивана Константиновича Хабарова есть брат, работающий председателем сельпо в соседнем районе. По наведенным мной справкам, он знает о случае с братом, огорчен этим и всё – вмешиваться в это дело он не желает, так что с этой стороны мы можем не беспокоиться. Никакой могучей поддержки они ни с чьей стороны не получат.

– Ну, а какую цель ты преследуешь, если посадишь их за решетку? – спросил председатель Воронинского сельсовета.

– Понятно, какую, – другим будет неповадно безобразничать, они будут понимать, что над ними всегда будет висеть дамоклов меч правосудия, готовый всегда обрушиться на головы воров.

– Но ведь это не всегда. Ты сам хорошо знаешь, что тем расхитителям народного добра, у которых есть могущественные родственники, не грозит такая печальная участь?

– Да, не грозит, – ответил Мухаматов, – благодаря этому борьба с криминалом не может быть окончена в короткий срок, но она все же будет закончена, не так скоро, как бы нам хотелось, но все же закончится. В перспективе мы можем надеяться, что, в конечном счете, в нашей стране, как и в других странах, общество будет состоять из честных людей, без воров и без хищений. Но думаю, что это будет не скоро.

С этими словами Мухаматов вышел из кабинета председателя сельсовета.

Войдя в свой кабинет, расположенный рядом с камерой для арестованных, с единственным зарешеченным окном, Мухаматов через вестового сельсовета вызвал к себе для допроса Горохова Николая. Тот пришел, и милиционеру, при виде этого высокого, стройного человека, захотелось сказать что-нибудь приятное. Это помогло бы ему лучше узнать, как и почему Горохов согласился прибавить цены на шоколадные конфеты на 30%.

Поздоровавшись с Гороховым, Мухаматов, вперив глаза в бумагу, лежавшую перед ним, чтобы подследственный не заметил его лихорадочно-хитрого взгляда, спросил:

– Скажите мне, Николай Николаевич, куда Вы хотели девать деньги, полученные в результате наценки на конфеты? Как Вы намерены были ими распорядиться?

– Как куда, – сразу же ответил Горохов, – я хотел отдать их бухгалтеру Хабарову на возмещение ущерба средств, получившегося в результате ошибочного занижения цен на конфеты, которое я допустил.

– Но ведь Вы-то тут ни при чем? Не правда ли? Ваше дело тут, как говорится, – сторона? Зачем же Вы ввязались в это дело? – вежливо-деловито спрашивал Мухаматов.

Николай Николаевич, подумав минуту, ответил, что хотел выручить товарища.

– А Вы не подумали, что из этого последует? Выручать товарища – дело хорошее, но его надо делать законными путями.

– Вот если бы Вы заняли денег у богатого соседа и отдали бы их в долг для покрытия недостачи у Ивана Константиновича Хабарова – вот это был бы шаг, делающий Вам честь и перед Хабаровым и перед его и Вашими друзьями.

– Эта мысль приходила мне в голову, но в результате предварительной прикидки я пришел к выводу, что у меня нет состоятельных друзей, которые могли бы предоставить мне необходимую сумму.

– Все равно, – продолжал Мухаматов, – лучше было бы попросить тестя продать корову и теленка для оплаты долга своего товарища, чем заниматься противозаконными делами.

– Знаю, но, к сожалению, уже слишком поздно. Что делаешь, все мы сильны, как говорится, задним умом, – заключил Горохов.

– Надо жить не задним, а передним умом, думать головой, а не задним местом, – поучал допрашиваемого Мухаматов.

Закончив на этом допрос, он отпустил Горохова и решил заняться другими делами. К числу их относилось назревавшее дело Анны Кулаковой. Эта работница местного сыроваренного завода для того, чтобы присушить к себе своего кавалера, женатого мужчину Сергеева Виктора Ивановича, решила похитить с завода четыре килограмма масла и передать их местной колдунье Верещагиной Аксинье Петровне. Через своего агента на заводе, Ситникову Зою Васильевну, Мухаматов заранее знал, когда будет вынесено масло, а также знал, в каком месте Анна отдаст взятку за присушивание. Это должно было произойти на следующий день в логу, в 200 метрах от моста через Стралиху, в сторону деревни Макарово.

Мухаматов решил хорошо подготовиться к данному делу, чтобы исключить малейшую оплошность. Он заранее договорился со свидетелями, которые должны были спрятаться недалеко от места передачи масла, за большим камнем.

Услышав голос Мухаматова, обращенный к Анне Кулаковой, свидетели должны выйти из укрытия и предстать перед изумленной Анной.

Все было разыграно, как по нотам.

Масло должно быть изъято из рук Аксиньи, и она вместе с Анной Кулаковой должна быть приглашена в сельсовет, где по всей форме, с участием свидетелей Веры Юшковой и Марии Селивановой, будет составлен соответствующий акт.

Мухаматов, отпустив Горохова, через вестового вызвал к себе свидетелей и еще раз предупредил их о серьезности дела, которое завтра им предстоит. Те заверили его, что сделают все, как договорились, и никакого сбоя с их стороны не произойдет.

Отпустив будущих свидетелей, он посмотрел на часы:

было уже 22 часа. Он решил, что уже поздно, и пора отправляться домой.

Жена сразу же устроила ему головомойку:

— Где ты был? Почему приходишь домой так поздно? Чем ты занимался все это время? Наверное, опять путался с какой-нибудь новой подружкой?

Мухаматов рассказал жене о назревающем «деле» Анны Кулаковой.

— Что мне до нее, — заявила жена, — почему тебе так хочется ее посадить? Что это тебе даст?

— Надеюсь, что очень много. Еще несколько таких удачных дел, и меня повысят в чине, я буду уже не младший лейтенант, а лейтенант. На погонах у меня будут уже не одна звездочка, а две. И, соответственно, меня ожидает повышение должностного оклада. А еще два-три таких удачно проведенных дела, и я буду переведен в районный центр, где будем жить постоянно.

— Хорошо сказка сказывается, но не скоро дело делается, — заявила желчно жена, — пока никаких звезд и повышений не вижу. А вот соседка мне вчера опять говорила, что видела тебя с какой-то неизвестной ей красивой женщиной.

— Скажи-ка мне, с кем это ты опять гулял? — уже с прямой злобой спросила жена.

Мухаматову пришлось изворачиваться, он за минуту придумал следующую версию: он, мол, сопровождал одну молодую женщину, сестру секретаря сельсовета Ольгу Васильевну, из сельсовета в клуб. Она окончила юридический факультет Пермского государственного университета и приехала к своей сестре на несколько дней в гости.

— Я спрашивал у нее, — продолжал свои пояснения Мухаматов, — большой ли конкурс для поступающих на факультет, легко ли учиться? Как лучше устроиться на работу по специальности после окончания факультета?

— Не заговаривай мне зубы, — со злостью сказала жена, — вчера тебя видели с молодой женой местного мастера по пошиву одежды. Ты шел с ней вечером к ее дому. Уж не у нее ли ты бываешь по вечерам? Благо, теперь Тимофей уехал к

сыну от первой жены в Пермь на несколько недель, и для его молодухи этого только и нужно, чтобы блудить с такими, как ты, подлецами!

Мухаматову стало неловко. Кто-то, видимо, их видел, когда они шли. Только бы никто не видел, когда он поздно вечером выходил из дома швеца. Тогда ругани не оберешься, – невольно подумал он.

Кое-как уговорив жену обещанием приходить с работы пораньше, милиционер поел приготовленного женой плова, пошел в спальню и сразу же заснул.

Ему снился сон: он встретился с Ольгой Федоровной наедине, начал обнимать ее и раздевать, но она холодно ему сказала:

– Не торопись, а вначале скажи мне, когда ты бросишь свою жену и официально женишься на мне? Если ты не согласен на это, я тебе больше не позволю любить себя запросто, как это было вчера.

Когда Мухаматов проснулся после таких ее жестоких слов, он с трудом поверил, что это только сон, а не суровая действительность. Вероятно, он не только видел плохой для себя сон, но и вслух произнес имя Ольги. Потому что когда он повернулся на другой бок, жена ехидно спросила у него:

– Какую это ты Олю называл во сне, и что ты с ней хотел делать?

Он нашелся, и сразу же ответил ей, что он имел в виду Ольгу Степановну, техничку в сельсовете, которую просил помыть окно в его кабинете, поскольку оно очень уж грязное, и через него плохо проходит свет внутрь комнаты.

Жена возразила:

– Хитришь, и даже имя тоже Ольга, но это твоя выдумка, а ты гуляешь с той сучкой, которая является женой Тимофея.

– Ты клеветешь на меня, – прокрипел Мухаматов и отвернулся от жены.

– Я тебе не позволю так легко удаляться от меня, я потребую от тебя исполнения твоего супружеского долга.

– Отстань, – прокрипел Мухаматов, – я так устал и хочу

спать, сделаю потом, если тебе это слишком надо.

Он повернулся на правый бок и вскоре захрапел. Жене оставалось только обозвать его «проституткой» и отвернуться от него.

На следующее утро он позавтракал и, как ни в чем не бывало, отправился на работу.

В сельсовете он встретил Ольгу Федоровну, которая сообщила ему о возвращении ее мужа Тимофея из поездки к сыну.

— Так что ты, если захочешь пообщаться со мной, позвони мне заранее, и договоримся. При этом будь осторожен и не ставь меня в неловкое положение, а то я вынуждена буду отказаться от всяких встреч с тобой, — сказала она.

После этого в его жизни потекли будничные, серые занятия, с типичными для милиционера хлопотами.

Когда прошло около трех месяцев, он как-то на улице, неподалеку от сельского Совета, встретил Ольгу Федоровну. Она пригласила его приходить к ним, будто бы для пошива одежды, с чем он охотно согласился.

Когда он через пару дней пришел в дом к Тимофею Васильевичу, якобы для того, чтобы сшить демисезонное пальто, то дома был не только хозяин, который очень тепло и приветливо встретил его, но и Ольга, приготовившая чай и пригласившая его за стол, от чего он не отказался.

Тимофей Васильевич стал рассказывать, как он почти целый месяц провел у сына в Перми.

— Пермь — большой город, с оперным и драматическим театрами. Здесь можно культурно отдохнуть, послушать хорошую музыку, можно посетить планетарий и получить кое-какие знания о Вселенной, — начал он рассказ.

Постепенно Тимофей Васильевич воодушевился, его голос перешел на четкий дискант, тем не менее, он ни в какой мере не казался крикливым, наоборот, он звучал нисколько не напряженно и производил приятное впечатление.

— Когда смотришь в планетарии на макет звездного неба, — рассказывал Тимофей Васильевич, — невольно хочется представить натуральное небо ясной осенней или зимней но-

чью, со всеми планетами и тысячами звезд, видных на нем. При взгляде на бесконечную Вселенную невольно вспоминаются слова немецкого философа И. Канта: «Ничто не производит на меня такого благоприятного впечатления, как звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас».

Звездное небо покоряет нас своей величественной бесконечностью, а нравственный закон требует от нас справедливого поведения. Что означает последнее? То, что человек должен в жизни делать только хорошее другим людям, независимо каким: хорошим или плохим. Если мы совершаем хорошие поступки по отношению к плохим людям, то эти люди начинают задумываться, а почему они – эти посторонние люди начинают поступать так по отношению ко мне?

В результате таких размышлений, плохой человек постепенно приходит к выводу, что и ему надо поступать таким же образом по отношению к другим людям.

Однако этот процесс очень сложен, часто на пути человека к совершенству возникают такие, казалось бы, непреодолимые препятствия, что человек пасует перед ними. Он иногда невольно перестает верить в возможность творить добро, а к тому же, не веря в возможность преодоления препятствий, он склоняется к тому, что главным жизненным тезисом должна быть эффективность человеческих действий, а не способность делать добро.

Уклонившись хотя бы раз от деяния добра, человек начинает хитрить, выискивать обходные пути для того, чтобы из каждого своего поступка приобретать различную материальную или духовную выгоду. А приобретая его, он забывает принцип добра и начинает размышлять: зачем мне добро, если оно ничего не дает мне, если я, делая людям добро, сам плохо живу, постоянно сам в чем-либо нуждаюсь? Если добро не компенсируется ответным добром, зачем мне нужно такое добро?

Наблюдая звездное небо ясной осенней или зимней ночью, невольно проникаешься мыслью о том, что человеку хочется жить вечно. Но вечной жизни на уровне отдельного человека нет и не может быть. Человек рождается для того,

чтобы, в конечном счете, рано или поздно, умереть, то есть прекратить свое бытие, как разумно действующего существа.

Марксистский критик Г.В. Плеханов возможность бессмертия отдельного человека связывал с его деятельностью в рядах рабочего класса, в его литературных произведениях. «Человек становится бессмертным, – писал Г.В. Плеханов, – в делах этого класса, в его литературных произведениях». Однако и здесь получается не абсолютное бессмертие, а только многократное продление жизни вождя рабочего класса в делах этого класса, а когда тот класс перестанет существовать, он будет входить в жизнь человечества только как историческая личность. Но это случится лишь тогда, когда физические останки человека прекратят свое бытие.

Это жутко, – заявил Тимофей Васильевич, – это полное разложение физических останков человека, при этом ставится вопрос: а что происходит с духовной сущностью человека? Куда она девается? Этого мы в принципе не знаем. Нам это в точности неизвестно.

Отсюда возникают мировые религии, как попытки объяснить дальнейшую судьбу духовной сущности человека. Все мировые религии пытаются различными способами объяснить дальнейшие пути духовной субстанции человека после его смерти. Что с ней в действительности происходит, в точности не знает никто. В основных документах мировых религий дается фантастическая картина прошлой истории человечества. Изложена она простым и понятным языком, чтобы люди, умеющие читать и писать, могли понять основные цели той или иной религии. Можем ли мы утверждать, что это сказки и фантазии далекого прошлого? Конечно, нет. Но здесь очень много неясного и непонятного. Большевики ошиблись, начав беспощадную борьбу с религией. Им, наоборот, нужно было использовать религию для воспитания народа в духе трудолюбия, богобоязни, уважения к старшим, уважения к властям. В результате, народ проникнулся бы уважением и к старшему поколению, и к власти, и к собственности.

Тимофей коснулся этических норм, свойственных под-

растающему поколению при социализме. Он говорил о том, что отвергая веру в Бога, социализм оказывает отрицательное влияние на молодежь.

Вера в Бога, — говорил он, — имеет положительное воздействие на молодежь. Она заставляет молодых людей опасаться слишком дурных и жестоких поступков (грабежей, избиений, убийств и т. п.).

Верующие молодые люди боятся гнева Бога, как высшей духовной субстанции, которая обладает всемогуществом, чувством справедливости и другими качествами, присущими и человеку, наряду с отрицательными свойствами, которыми также обладает и человек.

Верующий человек молится Богу. Он просит его об исполнении своих желаний. Неверующий человек (атеист) не хочет ни у кого просить исполнения своих желаний. Все, что ему нужно для счастья, он предполагает брать сам, зачастую, путем насилия, не останавливаясь ни перед чем, даже перед убийством человека. И эта беззаветная хулиганская отвага принимается его моралью как героизм. Ему нравятся хитрые и жестокие люди сталинского типа. Он не желает, чтобы его считали слабым человеком. Он хочет быть сильным, не считаясь с тем, справедливо ли он применяет силу или нет.

Эта грубая физическая сила человека молодежью зачастую поэтизируется, воспевается, как нечто хорошее и высокое в человеке. Однако в действительности это не так, насилие над другим человеком, получение от него материальных и духовных благ с помощью грубой физической силы олицетворяется с духовной справедливостью, на самом деле не имеющей ничего общего с духовным благородством.

Как ни странно, на движение человечества по этому пути оказывает определенное влияние научно-технический прогресс. Машины, которые изобретает человек, становятся все более сильными, все более производительными, они обрабатывают все большее количество продукции, необходимой человечеству. Рассматривая такие успехи в своем научно-техническом творчестве, человек становится все более сильным, он обрабатывает все большее количество продукции в

единицу времени. Развитием научно-технического прогресса человек очень доволен, более того, постоянное наращивание результатов тяговой силы машин у него невольно, хотя бы отчасти, сливается с нарастанием физических сил человека. Однако здесь-то и заключается обесценивание нравственных сил человека. Он должен быть не только сильным, но и справедливым, честным, благородным. Он должен обращать внимание не только на свою силу для себя, но и на возрастающие возможности применять данную силу во благо человека и человечества, по крайней мере, не для изобретения все более страшных видов оружия массового уничтожения человечества.

Человек должен помнить и знать, что он должен изобретать все новые виды машин, все новые виды энергии, которые бы служили на благо народов, а не на их уничтожение. Помня, что человеческая жизнь священна и что это – наивысшая ценность на нашей планете, мне кажется, несколько странным, – заявил Тимофей Васильевич, – как государствам удалось талантливых людей заставить работать над зверской и бесчеловечной проблемой, над уничтожением себе подобных. И люди, обманутые тем, что они, якобы, создают оружие для защиты своей родины, трудятся над этим. Это действительно своеобразный обман, о чем свидетельствует следующее: правительства различных государств призывают своих ученых изобретать все новые и все более страшные виды оружия, чтобы противостоять другим государствам, где делается то же самое. Ведь противники могут напасть и, используя современное оружие, поработить другие народы.

Страшный обман с двух сторон, и как его преодолеть? Как цивилизационно расправиться с ними, не только я, – продолжал Тимофей Васильевич, – но и все человечество не знает. А если бы удалось человечеству преодолеть этот двухсторонний обман, оно было бы избавлено от угрозы третьей мировой войны, которая угрожает истреблением всему человечеству».

Можно ли найти выход из этого, действительно непро-

стого положения, которое угрожает истреблением целых народов и государств и даже ставит под угрозу само существование человечества вообще?

– Как Вы думаете, возможно ли это? – спросил Мухаматов у Тимофея Васильевича.

Тот, подумав с минуту, сказал, что, по его мнению, это возможно, но сделать это очень трудно. Настолько трудно, что представляет собой как бы палку о двух концах: с одной стороны, это, может быть, возможно, если народам удастся обуздать свои правительства и заставить их отказаться от политики обмана народов, а с другой стороны, правительствам, скорее всего, удастся обмануть свои народы и заставить их поверить в угрозу третьей мировой войны, угрожающей самому существованию людей.

– Я лично считаю и думаю, третьей мировой войны с применением термоядерного оружия все-таки не будет, – сказал Тимофей Васильевич, – но каждый человек должен приложить все свои силы, чтобы ее не было.

Мухаматов недовольно хмыкнул:

– Это ясно, но не ясно, как это сделать. Это такая труднейшая задача, что могут сломать головы тысячи ученых в поисках резонного ответа на этот вопрос. Если бы это было так просто, то не надо было бы привлекать ученых для решения этой проблемы, – проскрипел он.

– Надо молиться Богу и надеяться на Его всемилостивейшее благоволение, – сказал Тимофей Васильевич, – это единственное, что нам остается делать в создавшихся трудных условиях.

– Времена теперь, конечно, трудные, – вставила Ольга, молчавшая до сих пор и не вмешивающаяся в разговор, – я, конечно, придерживалась старозаветных взглядов на те семейные отношения, которые существовали в семьях до Октябрьской революции, где мужчина считался главой семьи, а жена была хозяйкой дома.

И ей подчинялись дети, которых тогда в семьях было, как правило, много. И многие из них очень часто умирали в младенчестве, то есть на первом году жизни. Социалистиче-

ская семья, — продолжала она, — представляет собой новый вариант семьи. Теперь считается, что в семье муж и жена должны быть равноправны. На деле это привело к фактическому повышению роли женщины в семье. Это нарушило те внутрисемейные отношения, которые в России складывались веками. Женщины довольно часто стали оказывать решающее влияние на ход домашних дел, на распределение денежных сумм. Основанием для этого стало то, что они стали работать. Конечно, это укрепило их финансовые позиции в семье. В результате они играют существенную роль в распределении семейного бюджета.

— Я думаю, что женщины, по крайней мере, если не все, то, во всяком случае, многие из них, были к этому не готовы. Слишком уж резок был скачок перехода от ведения текущих домашних дел к распределению семейного бюджета, — заявил Тимофей Васильевич. — Можем ли мы сказать, что женщины — это такие умные существа, которые сразу же, только что придя к власти в семье, стали все делать правильно? — вопросительно процедил он.

— Да, конечно, не сразу такое большое дело делается здесь, — заметил Мухаматов.

— А ты тоже туда же, ты тоже против женского равноправия? — резко заявила Ольга. — Вот не знала, что ты придерживаешься таких взглядов!

Тимофей Васильевич вмешался в разговор:

— Да, женщины в обществе — это целая проблема. Социализм обещал раскрепостить женщину, дать ей полную свободу. Как это хорошо и справедливо, если бы это было действительно так. Но что получилось на самом деле в действительности? Получилось — прямо противоположное. Вместо того чтобы заниматься детьми и домашними делами, женщины должны теперь еще заниматься работой на производстве, и только после работы вести домашние дела. Вместо одной нагрузки на ее слабенькие плечи легло две. Зато все это сопровождалось крикливой бравадой о героизме женщин. О! Как их восхваляли за то, что они вынуждены были биться изо всех сил, чтобы не ударить в грязь лицом. Взамен

этой беспощадной эксплуатации им дали кое-какие крохи прав в суде, вроде таких, что ребенок, в случае развода и распада семьи, останется с матерью. Упростилась и сама процедура развода, но все это носило и носит второстепенный характер и никак не может компенсировать двойной женский труд.

Тот прекрасный мир, — говорил Тимофей Васильевич, — который обещали большевики, оказался во многом мифическим, особенно для крестьян-колхозников. Они должны были работать почти даром. Причем, все было сделано так, что они не знали об этом. Оценка трудодня производилась в конце хозяйственного года, и колхозник или колхозница не знали, за что они работают, что они получают на трудодень. А если получают слишком мало, то ничего не смогут изменить, ведь их труд уже затрачен и его не вернешь и от него не можешь отказаться. Целая армия так называемых «уполномоченных» от райкома партии собиралась в каждом колхозе и выбивала хлебопоставки, прежде всего, государству. А поскольку они были очень значительными и фактически бесплатными, то на долю оплаты по труду оставалось ничтожно мало. Руководство райкома и райисполкома выискивало причины низкого урожая в колхозах и низкой оплаты труда колхозников, неизменно обещая более высокую оплату трудодня на будущий год. И колхозники верили этому, потому что они понимали, что утерянного (затраченного) почти даром труда уже не вернешь. И так повторялось каждый год в большинстве колхозов.

Тимофей Васильевич потер ладонью лоб и продолжил:

— И так продолжалось из года в год и будет продолжаться, пока, наконец, колхозники и руководство страны не признают, что тут что-то не учтено, а именно, не учтен материальный интерес колхозников к труду, пока, наконец, фактически бесплатные поставки государству большой доли колхозной продукции окончательно не разорят экономику колхозов. Это так неизбежно будет, потому что такое несправедливое положение дел не может быть вечным. Я думаю, что крестьянки, занятые непосильным трудом в колхозе, не

могут уделять должное внимание дома детям и семье. А отсюда проистекают всевозможные напряжения в семейной жизни и частые разводы.

— И в этих трудных условиях женщины начинают искать выход в любви на стороне, чтобы хотя бы как-то скрасить свою тяжелую, изнурительную и однообразную жизнь, — заявила ранее молчавшая Ольга.

— Если ты так серьезно думаешь, тогда, видимо, надо ужесточить семейный кодекс, а государство должно ввести хорошо продуманную систему мероприятий, которые бы позволяли мужчинам держать непокорных и мечтающих о разводе женщин в прочной узде, — заявил милиционер.

— Нет. Так нельзя, — заметил Тимофей Васильевич, — насилием в таких делах не поможешь. Для того чтобы сделать более прочными семейные узы, для укрепления семьи нужны не насильственные, а, наоборот, мягкие, гуманные меры, улучшающие жизнь людей. Одной из таких эффективных мер является облегчение труда, замена тяжелого ручного труда механизированным. В этом отношении правильным шагом является более широкое внедрение в сельскохозяйственное производство тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Но этот процесс будет длительным и будет происходить постепенно, а это приведет к значительному оттоку из деревни в город большей части населения, что, в свою очередь, приведет к возникновению в сельском хозяйстве новой проблемы — нехватки людей, которая негативным образом будет сказываться на состоянии кадровой системы в сельском хозяйстве страны. Так или иначе, на состоянии сельского хозяйства страны, — подчеркнул, заканчивая свою речь, Тимофей Васильевич, — сказывается отсутствие интереса к труду у колхозников и колхозниц. Хитрая система оплаты труда колхозников с течением времени стала понятна крестьянам, и они утратили интерес к труду.

Страна стала перед задачей внедрения новых стимулов к труду, а это было бы возможно только с помощью иных

форм собственности, нежели тех, которые были введены при социализме.

Отхлебнув чай из чашки, Мухаматов заговорил:

— Я не согласен с Вами, Тимофей Васильевич. Государство должно держать народ в узде. Нужно, чтобы все колхозники работали добросовестно в колхозе, а не на своих приусадебных участках. Вы говорите, что они мало получают на трудодни, нужно, чтобы они лучше работали, и тогда будут больше получать. Нужно ужесточить дисциплину в колхозах, нужно сделать так, чтобы они больше думали об общем колхозном состоянии, а не о личном, собранном в огороде. Если они будут лучше работать на колхозных полях, то, тем самым, будут получать больше на трудодни.

— Хотя как работай, а больше килограмма зерна на трудодень не получишь, — вмешалась Ольга. — Как ты будешь много получать за свой труд, если 50% урожая колхоз должен сдавать государству в качестве поставок, да еще за копейки, то есть фактически бесплатно?

— Нужно более эффективно работать, — возразил Мухаматов, — вносить в землю больше навоза и других удобрений, нужно повышать урожаи хлебов и других сельскохозяйственных культур, а то колхозники обленились и в полной мере этого не делают.

— Если будут более высокие урожаи хлебов, то увеличатся и хлебопоставки, а если ты такой умный, то иди к нам, поступай в колхоз, и мы посмотрим, как ты будешь даром хорошо работать, — уже ядовито и зло процедила Ольга.

Чем дальше продолжался разговор о колхозных делах, тем более неприятный характер он принимал.

Мухаматов уже пожалел, что спутался с этой злой, ехидной женщиной, которая в разговоре не давала ему никакого спуска и доказывала бесперспективность колхозного производства в той, принятой в России, форме.

Он заговорил в примирительном тоне.

И начал с того, что, мол, мы — маленькие люди, и, к сожалению, ничего не можем изменить, нам следует молиться и просить Бога о том, чтобы в обществе установились луч-

шие условия для жизни. И для достижения этого не следует применять насилия.

– Развитие общества, – продолжил беседу Тимофей Васильевич, – должно происходить естественным, то есть закономерным, путем. В нем должны естественно созреть предпосылки для перехода к новым более сложным и более справедливым общественным отношениям. По моему мнению, – продолжал Тимофей Васильевич, – большевики явно спешили с переделкой общественных отношений, не считаясь с объективными условиями их созревания.

Более правая и разумная часть российской социал-демократии (Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов и другие меньшевики) считала, что между буржуазной и социалистической революциями должен иметь место длительный промежуток времени, измеряемый столетиями. В.И. Ленин свел этот временной промежуток к очень небольшому времени. Фактически перерыв между февралем и октябрём составил всего девять месяцев.

За это время никаких серьезных изменений в развитии российского общества, естественно, произойти не могло. Поэтому Октябрьская революция явилась попыткой насильственного ускорения развития социалистического общества. Это было сопряжено с массовым насилием, с отсутствием учета многих конкретных интересов трудящихся классов, с замедлением темпов общественного развития. А отсюда, с естественной необходимостью вытекают соответствующие антикризисные мероприятия, которые должны восстановить равновесие в развитии российского общества. Какие это будут антикризисные мероприятия, Тимофей Васильевич на данный отрезок времени не знал. Но они, по его мнению, должны были исключить колхозную собственность и колхозный строй, разложивший производительные силы в сельском хозяйстве России.

Закончив затянувшееся чаепитие, Ольга стала собирать посуду, греметь тарелками и чашками и относить их на кухню.

А Тимофей Васильевич в это время, как бы напутствуя

Мухаматова, говорил ему, что, по его мнению, в России найдется человек, который будет достаточно умен, чтобы попасть на верхушку партийной пирамиды, возглавит партийный аппарат и произведет необходимые преобразования. Ему будет трудно, в Политбюро не все с ним согласятся, но он все же постарается кое-что сделать.

Таким образом, Тимофей Васильевич как будто предвидел приход к власти М.С. Горбачева. Однако конкретных его мероприятий он, естественно, предвидеть и предсказать не мог.

Предвидел он и распад СССР на ряд самостоятельных государств, но не мог знать, что их число совпадет с количеством союзных республик. И, конечно, предвидел, что во всех государствах, образовавшихся на развалинах Советского Союза, установятся рыночные отношения. Но опять-таки без всяких экономических подробностей, которые он, естественно, предвидеть не мог.

Мухаматова это разозлило. Потеряв терпение, слушая эти выкладки пожилого швеца и учителя, он злобно прохрипел:

– Я допускаю вполне, что у нас многое делается не так, как полагалось бы. Но то, о чем ты говоришь, представляет настоящую контрреволюцию, и я, как милиционер, блюститель порядка, должен привлечь тебя к ответственности. За контрреволюционную болтовню в нашем законодательстве есть специальная статья 58, в которой имеется 10 пунктов, и в них подробно объясняется, за что, за какое контрреволюционное деяние, что полагается, – сколько лет тюремного заключения. Тебя надо немедленно арестовать и отправить в район для открытия следственного дела.

– Я готов к этому, – подумав, сказал Тимофей Васильевич, – но подумай, к чему это приведет. Наступит новая большая "оттепель", и меня оправдают, выпустят из тюрьмы. Общественное мнение нового времени сделает из меня героя, а тебе-то зачем это нужно? И к тому же тебе придется за это нести пусть какую-то незначительную, нравственную ответственность. Я знаю, что в недалеком времени все имен-

но так и будет. Так зачем тебе этот груз ответственности, который тяжелым политическим бременем ляжет на тебя и перекроет для тебя возможность двигаться по служебной лестнице, вплоть до самых высоких постов?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что арестовав тебя, как ярого контрреволюционера, я испорчу себе из-за тебя карьеру? – с иезуитской хрипотцой в голосе спросил Мухаматов.

– Именно поэтому я тебя и предупреждаю и прошу не делать глупостей, не во имя меня и моей свободной жизни, я как-нибудь перебыюсь и не умру, а во имя себя, во имя своей политической дальновидности, во имя того, что ты при старой власти не был ее слишком ретивым сторонником, который пробивал головы всем ее врагам, которые теперь будут находиться у власти.

– Откуда у тебя взялись такие шальные мысли, которые похожи на правду? – вдруг, посерьезнев, спросил Мухаматов. – Мне никогда не приходило в голову, что такое возможно, а теперь, прослушав твою галиматью, я понял, что это очень серьезная речь, что в дальнейшем все так и может произойти, как ты говоришь. А если что будет не так, то я должен быть дальновидным, должен действовать с оглядкой, не спешить, а внимательно смотреть на политический горизонт и хорошо различать каждое облачко, которое появляется на нем, знать, с чем оно связано и что конкретно в современной политической жизни оно означает.

– Если ты умный блюститель порядка, то именно так ты и должен мыслить, и не хватать каждого встречного за свободное слово, сказанное им, – ответил Тимофей Васильевич.

– Это не просто свободно сказанные слова, которые здесь были произнесены вами, а это контрреволюционные слова, и вас за них следовало бы арестовать и отправить в тюрьму, – сказал Мухаматов.

– Так в чем же дело? Вы попробуйте! – с вежливой интонацией в голосе протянул Тимофей Васильевич.

– В том-то все и дело, как говорится, и хочется, и колется, и мама не велит. Если под мамой здесь понимать политическое настоящее и будущее нашего общества, то так и по-

лучается, что арестовывать и отдавать под суд тебя нельзя, а сделав это, таким образом, я опозорю себя в глазах будущего общества, которое установится в России в недалеком будущем. Исходя из этих соображений, я вынужден тебя не арестовывать, а оставить на свободе во имя своих же правильно понятых перспективных интересов.

С этими словами он открыл дверь и быстро шагнул в темное пространство начавшейся уже ночи, и ночная тьма поглотила его.

Дома он долго ходил взад и вперед по комнате и не отвечал на вопросы жены, где был.

Мысли в его голове плавали свободно и быстро, как в океанском просторе. Он отлично соображал, что Тимофея Васильевича арестовывать нельзя. И даже, более того, нельзя в разговоре со своими коллегами по службе говорить о том, о чем он говорил с ним.

Он сомневался и не знал, как они все это воспримут. Не сочтут ли его за чудака, продавшего за чечевичную политику контрреволюционерам?

— Надо, — решил он, — не возбуждая дела против Тимофея Васильевича, внимательно прислушиваться, что люди кругом говорят, чтобы затем, на основании этой болтовни, сделать вывод о том, что же нас ждет в обществе, в недалеком будущем.

— Гриша! Ты оглох, что ли? Я несколько раз спрашивала тебя, где ты был? А ты не отвечаешь, не слышишь, что ли? Или, быть может, не хочешь поведать мне, у кого ты был? — допрашивала его жена.

— Я был у Тимофея Васильевича, и имел с ним очень содержательную беседу.

— Я так и думала, здесь Ольга. Тимофей Васильевич тут только для отвода глаз, а ты имел дело с его женой Ольгой. Я это очень хорошо знаю.

— Что ты знаешь? Что я, по-твоему, делал с Ольгой в присутствии Тимофея Васильевича?

— Ты с ней делал то, что обыкновенно делают мужчина и женщина.

– Так ты дура, что ли? Что, в присутствии мужа, что ли?

– А что, – отчаянно отвечала Галина, – у тебя хватит наглости, он ведь уже старик и, наверное, ничего не может, а ты в самой поре, как отпетый жеребец, тебе все равно, что без мужа, что при нем гладить и обнимать его жену, да и кое-что побольше этого.

– Да представь ты, что мы долго говорили об очень важных политических вопросах, а не об отношениях мужчины и женщины.

– Ну, это только отговорка. На самом деле, что ты творил под шумок, мне хорошо известно. Ты знаешь, например, что Машка Кандачиха под столом в сельсовете с его председателем в прошлом году заделали ребенка? Дело было вечером. Но ведь народ в сельсовет заходил, и это не помешало им, бесстыдникам, в таком месте заниматься такими делами. А когда она застонала от удовольствия, вошедшая в кабинет Василиса Ухватова, услышав это, благословила их, сказав: «Помогай вам Бог».

И вот родила девушка ребеночка, Кольку, ровно через девять месяцев. Весь в отца, такие же черные, жгучие как у него, глаза. А ты, бесстыдник, – ткнула она мужа в бок, – делаешь это при живом муже, сидишь за столом, а штаны спустил у себя и у Ольги и делаешь то, что законные мужья и жены обычно делают ночью. Тебе все равно, что день, что ночь, лишь бы Ольга подставила тебе передок для твоего дела.

– Перестань! Какую ерунду ты порешь, – возмутился Мухаматов, – в присутствии мужа никто не будет заниматься этим.

– Да не будут другие, а ты, да еще с ней, обязательно будешь, – продолжала канитель жена. – Я сейчас с помощью безошибочного номера проверю, чем ты занимался у Тимофея.

– Как ты, интересно, это сделаешь?

– Очень просто, я потребую от тебя немедленного исполнения супружеского долга. И если ты не захочешь или не сможешь, значит, ты имел дело с той сучкой, Ольгой Федо-

ровной. А ну-ка, давай, пойдем в спальню сейчас же! Я тебя выведу на чистую воду!

И с несвойственной ей цепкостью и стремительностью, она схватила мужа за левую руку и потащила в спальню.

От неожиданности Мухаматов оторопел и, не помня себя, оказался в спальне.

Не теряя времени, Галина с поразительной ловкостью стащила с него штаны и рубашку, нырнула под него и пропищала: «Давай!»

Мухаматов был поражен ее нахальностью, но делать нужное дело он был не готов. Он думал: «Что делать? Если отказаться от требования жены, она будет долгое время пилить его, уличая в супружеской неверности, а исполнять его охоты не было. Однако Галина схватила его за интересное место и страстно зашептала:

– Он мой, он всегда будет только мой.

Медленно, но верно, она добилась того, что ей было нужно.

Мухаматов вначале неохотно, но затем, понемногу водушевляясь, исполнил свой долг.

Галина страстно прошептала:

– Хорошо. Видно, не все отдал своей подружке, и мне немного осталось!

Мухаматов был поражен бесстыдством своей жены. Он освободился от ее объятий, повернулся на другой бок и заснул.

Ему приснился интересный сон.

Он пришел в дом Тимофея Васильевича.

Еще находясь в передней, он услышал, как стучит швейная машинка. Из кухни вышла Ольга, ее глаза сияли необъяснимой радостью.

Увидев своего любовника, она сказала:

– Как я рада, наконец, тебя видеть. Теперь ты от меня не уйдешь. Пока Тимоша шьет костюм двоюродной племяннице, мы с тобой полюбимся в амбаре.

Мухаматов был недоволен.

– Там, наверное, холодно, – сказал он.

– Ничего не знаю, поработаешь, согреешься! Я так желаю тебя, что это невозможно описать словами.

Мухаматов, войдя в амбар, слева от входа увидел заправленную кровать, на которую его пригласила Ольга. Дальше появилось то прекрасное ощущение, которым у него обычно завершался половой акт. Он был в восторге от той невыразимо сладостной боли, которой у него завершился оргазм. Не выдержав того сладостного томления, он застонал от боли.

В это время Галина, обнимая его, страстно причитала:

– Очень хорошо. Что тебя беспокоит?

Увидев жену, Мухаматов едва удержался, чтобы не сплунуть. Он думал, что рядом с ним Ольга, а оказалась опять же Галина.

– Как она, стерва, смогла так ловко обмануть меня? – возмущался в душе Мухаматов, терпеливо снося страстные поцелуи своей жены, которыми она покрывала его лицо.

Все утро он был мрачен, в то время как его жена суетилась вокруг него и предлагала ему на выбор разные деликатесы на завтрак, в награду за хорошо проведенную с ней ночь.

Он отворачивался от нее и постоянно опускал глаза, чтобы она не увидела в них хищный огонек недовольства и неприязни к ней, которые он никак не мог погасить, несмотря на все его старания.

Отправившись на службу, Мухаматов сделал большой крюк. Он решил зайти к Тимофею Васильевичу, чтобы увидеть Ольгу. Встретив ее у ворот, он был очень обрадован и решил, что лучшим способом привлечь ее внимание к нему будет пересказ того сна, который он видел этой ночью.

Однако, она, прослушав начало понравившегося ей рассказа, затащила его в амбар, а там сразу взбила матрас, который лежал с левого бока от входа на невысоком ящике.

Пока милиционер смотрел на ловкие движения ее рук и думал, для чего она это делает, она внезапно обернулась к нему, впилась своими губами в его губы, и увлекла его, падая под ним на матрас.

Мухаматов не успел даже сообразить, к чему бы все это, как она быстрыми и проворными движениями своих ловких пальцев расстегивала пуговицы его брюк и увлекала его на себя. Мухаматов решил принять участие в этой игре, но когда их задор начал достигать апогея, дверь в амбар внезапно открылась, и в него вошел Тимофей Васильевич.

Увидев жену в объятиях милиционера, он только на миг растерялся, его старое и дряблое лицо изобразило недоумение, но уже в следующее мгновение он понял все, широко улыбнулся и сказал:

— Помогай вам Бог.

Любовники, не ожидая этого, не поняли его слов, так как они были необычны и не подходили к данному случаю.

Но Тимофей Васильевич продолжил свою речь:

— Это самое сладкое мгновение в человеческой жизни, и я рад, что вы этим занимаетесь. Я отношусь к этому с пониманием и не буду вас за это преследовать. Думаю, что вы этим занимаетесь полубовно, по обоюдному согласию.

Мухаматову стало стыдно, и он отвернулся.

Он хотел прекратить позорную в данный момент времени игру, но Ольга крепко ухватила его руками за спину и страстно прошептала:

— Не пуш!

Тимофей Васильевич повернулся, открыл амбарную дверь и, не торопясь, вышел на улицу.

Ольга сразу же схватила зубами нос Мухаматова и горячо зашептала:

— Продолжай, а то иначе я откушу тебе кончик носа. На мужа не обращай внимания, он уже немощный старик и не может делать то, что он должен делать для жены. Если это было не так, я бы, наверное, не полюбила тебя.

Мухаматов был поражен темпераментом этой женщины. Постепенно, удовлетворив ее аппетиты, он хотел идти на работу, однако Ольга не отпустила его.

Она пригласила его зайти к ним в избу и выпить чашку чая.

— Мне стыдно, — сказал Мухаматов, — я не пойду. Как я

буду разговаривать с ним, как я буду смотреть ему в глаза? — задумчиво произнес он.

— Будешь смотреть ему в глаза, не мигая. Как любить меня, так, пожалуйста — это хорошо, а как отвечать за это — так мне стыдно! Ничего, со стыда не умрешь, я скажу ему, что ты меня изнасиловал.

— Ни в коем случае этого делать нельзя. Он может пожаловаться на меня по служебной инстанции, и меня уволят со службы.

— Ничего не бойся, ведь он — мужчина, а жаловаться на тебя он и не подумает. Уж поверь, я это точно знаю. Не такой он человек, как все другие, он из тех, о которых говорят, что он не от мира сего. Он настоящий отшельник. И я живу с ним, помогаю ему по хозяйству, а что касается утех по женской части, приходится постреливать на стороне.

— Так что же получается, что я не первый у тебя любовник? — робко спросил Мухаматов.

— Конечно, нет, — ответила Ольга. — Об этом неприятно говорить, но я скажу тебе прямо, что у меня были такие и до тебя, причем не один раз.

Удивленный ее откровенностью, Мухаматов помрачнел и раздумывал: куда ему сейчас идти — на службу или к Тимофею?

Однако Ольга не дала ему времени на размышления. Поцеловав его, она потащила его в свою избу, и милиционер неохотно поплелся за ней.

Тимофей Васильевич встретил их необыкновенно приветливо. По его поведению казалось, что он ничего не видел в амбаре, и ничего там между милиционером и его женой не происходило. Он начал говорить о том, что вот после смерти Леонида Ильича Брежнева все начало меняться в общественной жизни в сторону все большей строгости.

— Андропов не зря больше десятка лет возглавлял Комитет Государственной безопасности и привык к строгости, к наведению порядка во всем. Теперь он, видимо, хочет восстановить порядок во всех сферах общественной жизни. Для наведения порядка он намерен использовать Комитет Госу-

дарственной безопасности. Именно в этом смысле можно рассматривать проверки КГБ соблюдения чиновниками разных уровней режима работы.

Тимофей Васильевич в качестве примера рассказал об одном интересном случае, произошедшем с министром сельского хозяйства РСФСР Л.Я. Флорентьевым, который создал для себя очень своеобразный режим труда и отдыха. Он очень заботился о своем здоровье.

Утром, придя на работу, до обеда он уделял внимание служебным делам, а после обеда уезжал в бассейн и два часа занимался там водными процедурами. Работники КГБ, проверив его режим дня, сообщили об этом Андропову, который приказал: когда он вернется из бассейна, его в кабинет не пускать, а если он будет не согласен – то вот вам номер телефона, и пусть он позвонит мне по нему. Когда перед Л.Я. Флорентьевым возникли работники госбезопасности, тот сразу все понял и вынужден был написать заявление о своем уходе с поста министра сельского хозяйства РСФСР.

Поведав об этом, Тимофей Васильевич резюмировал:

– Конечно, даже такими крутыми мерами улучшить состояние общества невозможно. Причины его загнивания были значительно глубже. И этих глубинных причин, – заявил Тимофей Васильевич, – Андропов пока не касается. Поэтому непонятно, удастся ли ему выправить застойное положение в обществе и включить его в состояние динамического роста и развития.

В области международных отношений Ю.В. Андропов действует также очень круто. Об этом свидетельствует тот факт, что на Дальнем Востоке был сбит южнокорейский пассажирский самолет, экипаж которого занимался сбором разведывательных данных о наших военных объектах, расположенных на Камчатке и на Сахалине. Ю.В. Андропов дал команду, чтобы наши подводные лодки приблизились к берегам Соединенных Штатов Америки.

Везде строгости и строгости, – заметил Тимофей Васильевич, – что-то только из этого будет? Ходят слухи, – продолжал он, – что Ю.В. Андропов в последнее время

очень серьезно болен. Это тревожит нашу партийную верхушку. Ее занимает вопрос: поможет ли гемодиализ вылечить почечную болезнь генерального секретаря, и кто, в случае его смерти, займет его место? И, главное, каких он будет придерживаться принципов в области внутренней и внешней политики? Какую кадровую политику изберет?

Престарелая когорта, занимавшая большинство мест в Политбюро, серьезно беспокоится за свое собственное благополучие, за свое право участвовать в решении важнейших проблем страны на самом высоком уровне.

Занятый этими разговорами, которые интересны сами по себе, Мухаматов не заметил, как пролетело больше часа времени.

В этот момент зазвонил телефон в квартире Тимофея Васильевича. Тот взял трубку.

Звонил начальник милиции Юго-Осокинского района. Он просил передать трубку Мухаматову, если же его нет, то подсказать, где тот может быть, к кому из местных работников он мог зайти.

Когда Мухаматов взял трубку, то начальник милиции ему сообщил, что только что получил сообщение о смерти генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова.

Мухаматов сразу же простился с Тимофеем Васильевичем и его женой и быстрыми шагами направился в сельсовет.

Председатель сельсовета и секретарь его уже ждали.

— Вы, конечно, в курсе дела, волнующего всю страну в настоящее время? — спросил председатель сельсовета.

— Да, мне только что сообщили об этом.

— Кто? — поинтересовался Николай Сергеевич Тепляшин.

— Начальник милиции нашего района, — ответил Мухаматов.

— Что теперь будет? Интересно, кто займет пост Генерального секретаря Коммунистической партии? От того, кто займет этот пост, можно ожидать изменения внутренней и внешней политики нашей страны, а это может быть чревато многими неизвестностями, — сказал председатель сельсовета.

– Будем ждать известий из Москвы, – продолжил секретарь сельсовета Егор Васильевич Булычев, – там уже, наверное, готовится, а, может быть, и проходит Пленум ЦК КПСС.

– И пока мы здесь ожидаем, там уже все практически решается, и, возможно, уже решено, – подытожил председатель сельсовета. У меня брат работает в Москве на автомобильном заводе, парторгом одного из цехов. Он обещал мне позвонить и сообщить, что решило Политбюро.

– С минуты на минуту мы будем знать, что там произошло, – сказал Николай Сергеевич.

– Хорошо, будем ждать, – заметил Мухаматов, – но мне кажется, поскольку большинство членов Политбюро – люди пожилого возраста, они и выберут из своей среды старика, который хорошо знает их, и они знают его. Во всяком случае, никаких случайностей тогда для них не будет. Все будет идти по-старому, как при Леониде Ильиче Брежневе.

В это время зазвонил телефон. Председатель сельского Совета взял трубку.

Звонил его брат, который сообщил ему, что Пленум ЦК избрал Генеральным секретарем Константина Устиновича Черненко.

Все присутствовавшие при этом члены местного Совета невольно вздохнули с облегчением. Они поняли: все будет по-старому. Никаких существенных изменений в общественной жизни не произойдет.

Вечером этого же дня Мухаматов решил посетить Тимофея Васильевича. Но это был только благовидный предлог, в действительности же он хотел увидеть Ольгу и незаметно от мужа договориться о встрече с ней в более достойных условиях, чем в амбаре на жестком топчане.

Однако когда он увидел ее, то был поражен ее печальным видом.

Она сообщила ему, что Тимофей Васильевич тяжело заболел. Его парализовало.

– У него уже ранее было три инфаркта миокарда. И он стоически перенес их, а вот сейчас у него полностью парали-

зована правая половина тела, правая рука и правая нога. Я не знаю, как он перенесет это заболевание, и очень беспокоюсь, он ведь теперь не может ходить и даже сидеть, не может говорить, хотя, как мне кажется, понимает, что говорят другие. Если он будет неподвижен в течение длительного времени, то я не знаю, как мне с ним быть. За ним ведь надо ухаживать, а это мне, как говорится, не с руки.

— Ты, как жена, должна будешь это делать. Это твоя обязанность. Все так делают, и ты должна будешь это делать, — со строгостью в голосе сказал Мухаматов.

— Должна-то, должна, но лучше бы этого не понадобилось, а то это удовольствие ниже среднего, — заявила она.

— Мне кажется, для тебя это такой долг, от которого невозможно убежать, — заявил Мухаматов.

— Ладно, посмотрим, что будет в ближайшие дни. Может быть, еще пронесет, и он умрет, — процедила Ольга сквозь зубы.

На следующее утро она прибежала к Мухаматову и сквозь слезы, причитая, сообщила, что в пять часов утра Тимофей Васильевич умер. Похороны, согласно православной традиции, назначены через три дня.

— Хоронить будем на местном кладбище, — сказала она. — Народу, наверное, будет много, своими красивыми речами и необычными поступками он привлекал при жизни внимание многих. Поэтому все в селе любили его.

Занятый текущими делами, Мухаматов не заметил, как пролетели эти три дня.

В день похорон он решил не ходить в дом Тимофея Васильевича, а идти прямо на кладбище. При этом он избрал очень своеобразную тактику. Он шел на почтительном расстоянии за траурным кортежем, не примыкая к нему и не сливаясь с ним.

Когда же гроб поставили перед могилой, он подошел к председателю сельсовета и решил прослушать все траурные речи, для того чтобы составить объективное мнение об этом человеке, с которым он был в течение ряда лет хорошо знаком.

Председатель местного Совета Н.С. Тепляшин, ведущий траурное собрание, предоставил слово всем желающим выступить.

Желающих говорить о Тимофее Васильевиче было немного, всего семь человек.

Они говорили о том, что Тимофей Васильевич был хорошим человеком, он умело кроил и шил женскую и мужскую одежду, был хорошим учителем младших классов – всем этим, конечно, он заслужил вечную память жителей села Воронино.

Кроме того, он был замечательным рассказчиком. Слушать Тимофея Васильевича было одно удовольствие. Его гладкая, без единой запинки речь, приводимые им примеры, его скупая жестикуляция производили неотразимое впечатление на местных жителей.

Из молодых слушателей его домашних речей следует отметить Олега Сергеевича Шляпина, который пользовался любым случаем, чтобы побывать в гостях у Тимофея Васильевича, задать ему несколько вопросов, прослушать его ответы и, таким образом, приятно провести время.

В конце траурного митинга слово взял председатель местного Совета Н.С. Тепляшин:

– Он умел хорошо говорить, и если не по содержанию, то по форме его речи были, как правило, хороши и производили благоприятное впечатление на присутствовавших.

Далее председатель продолжал:

– И вот теперь, здесь, присутствуя на похоронах нашего общего друга, мы испытываем такое чувство, как будто какая-то частица нашей собственной жизни оторвалась от нас и навсегда отошла в прошлое. Это чувство, по-видимому, испытывают все люди, которые знали Тимофея Васильевича, общались с ним, могли наслаждаться потоком его исключительного красноречия.

Вся жизнь Тимофея Васильевича, – подчеркнул председатель сельского Совета, – была посвящена ремесленному труду и школе. Он шил одежду для людей и делал это хорошо, со вкусом.

Он был отшельником, в том смысле слова, что не лез ни в какие органы власти, хотя мог бы очень преуспеть на этом поприще, особенно, если иметь в виду его замечательный дар художественно, ярко освещать любые общественные явления. Он сторонился советской власти, не любил ее, не участвовал в работе никаких ее органов. Но одновременно он и не выступал против нее.

Ему не нравилась жестокость этой власти, особенно ярко проявившаяся при В.И. Ленине и И.В. Сталине, в меньшей мере при Н.С. Хрущеве. Он был человечным человеком, он жалел и оказывал максимально возможную для него помощь всем нуждавшимся, всем обремененным. Он много дал тем людям, которые знали его, общались с ним, могли следить за его поступками в различных ситуациях общественной жизни.

— Прощай, дорогой товарищ, в нашей памяти ты навсегда останешься живым примером для подражания всем тем, кто знал, любил, слушал, понимал тебя, примером для жизни, — после этих слов председатель сельсовета бросил горсть земли на гроб Т.В. Бессонова.

После его выступления толпа понемногу стала расходиться. Переговариваясь между собой, люди вспоминали разное:

— Хороший был человек, хорошую одежду шил для людей. Даже развратную вторую жену за ее слишком вольное поведение не только не наказывал, но даже не осуждал, говоря, что, если она хочет таскаться с чужими мужчинами, то пусть занимается этим, лишь бы не расстраивала чужие семьи.

— Он был весь создан из какого-то другого теста, нежели другие люди. И многое из того, что задевало их, не расстраивало его. Он сохранял по отношению к этому свое благородное спокойствие и изумительную выдержку, которая оказывала определенное влияние на поведение других людей.

— По отношению к своим соседям, близким и родным он всегда тщательно взвешивал и контролировал свои действия

и поступки, не допуская никаких промашек со своей стороны.

— Он любил жизнь, любил ее всякую, для него не было скверной и плохой жизни, всякая жизнь для него была изумительно хороша. Он считал, что лучше нее нет ничего на свете.

— И качество жизни, — считал он, — зависит от человеческого отношения к ней. Если человек любит жизнь, то его хорошее отношение к ней обязательно приведет к тому, что в ней он всегда найдет нечто хорошее, что украсит жизнь, какой бы скверной она сама по себе ни была. Воля к жизни — вот тот порыв, который должен венчать наше отношение к ней.

ЭПИЛОГ

Тимофей Васильевич Бессонов очень боялся смерти и вынужден был тщательно скрывать свой страх от людей, опасаясь признанием данного факта вызвать их недовольство и непонимание.

Каждый раз, когда кто-то умирал, он, особенно при виде умершего, испытывал мучительное чувство страха. Больше всего его смущало то, что он не знал, что ждет его после смерти. Что есть смерть физическая в полном смысле этого понятия? Умер человек, разложилось его тело, и конец всему, ибо больше ничего после этого нет.

Его страшила такая постановка вопроса: он панически боялся ее. «Как это так, — рассуждал он про себя, — я умру, и прекратятся мои попытки осмысливать мир, искать в нем что-то новое и находить его».

Ему казалось, что в этой способности мыслить, обобщать все наблюдаемое, выводить из него что-то доброе, что нужно другому человеку, — в этом и заключается смысл жизни.

Он боялся атеизма и считал, что отрицание религии есть самое полное обеднение жизни. Он боялся смерти, то есть прекращения жизни, рассматривая это состояние, как конец всего существующего. Религия, рисуя картины различной жизни после смерти человека, дает утешение, показывает иную жизнь, нежели та, в которой находится человек в земной жизни. Более того, и это очень важно, человек своей земной жизнью, ее качественным достоинством, обуславливает свою жизнь в потустороннем мире. Если он вел благородную, праведническую жизнь в земном мире, значит, за это он в воздаяние получал жизнь в Царствии Небесном, то есть получал хорошую жизнь, которая будет продолжаться вечно в Царствии Небесном.

В этом заключается притягательность религиозной картины мира для людей, живущих на Земле. Это лучшая ориентация на лучшую жизнь в земном мире.

Понимая все это, Тимофей Васильевич, ориентируясь на воздаяние в небесном мире, делал все возможное в земном мире, чтобы получить там лучшую жизнь за земную благодатную жизнь.

Главным свойством интеллекта Тимофея Васильевича было то, что он любил всматриваться в окружающий мир и анализировать предполагаемое будущее, не включая самого себя в качестве ведущего субъекта достижения определенных общественных целей.

Естественно, что это касалось, прежде всего, социализма, поскольку Тимофею Васильевичу приходилось большую часть жизни проживать в условиях этого общества, наблюдать и терпеть все его недостатки. Его терпеливость и мягкость в отношениях с людьми создавали для него надежду на воздаяние за это в ином, потустороннем мире, в который он все-таки верил, а с другой стороны, они создавали дополнительную основу за его заслуги на такое личное бессмертие в Царствии Небесном.

Тимофей Васильевич был одним из тех многих тысяч российских интеллигентов, которые пытались нести разумные начала в беспокойную земную жизнь, за что и поплатились. Их чисто словесной критики недостатков социализма было достаточно, чтобы органы безопасности данного строя прекращали разными способами земную жизнь этих интеллигентов.

В отличие от многих из них, Бессонов не критиковал советскую власть даже словесно, поэтому ее представители терпели его, а поскольку он не желал участвовать в работе ее органов, то это придавало внешнюю убедительность его поступкам, его действиям.

Внешне это очень походило на толстовское учение о насилии. Правда, у Л.Н. Толстого это учение заключало в себе очень суровую критику царского самодержавия, церкви, частной поземельной собственности, достаточную для того,

чтобы возбудить ненависть к нему господствующих классов царской России, вынужденных, в конечном счете, отлучить его от церкви.

Царизм пытался воздействовать на Л.Н. Толстого, вожди социализма смотрели на такие дела иначе. Они рассматривали расстрелы главным средством борьбы с инакомыслием, таким образом прекращая всякую оппозиционную мысль, не только реальную, но и возможную. Такой метод борьбы намного повышал ее эффективность. При данных условиях оппозиционеры вынуждены были молчать.

С течением времени в Советском Союзе стихийно сложилось «молчаливое большинство» интеллигенции, которая ни в каких формах не выступала против советской власти, поскольку боялась ее.

Таких людей, как Тимофей Васильевич, среди интеллигенции было немного. Из-за своих условий жизни советская интеллигенция вынуждена была усердно служить советской власти, а тем, кто не хотел ей служить, не на что было существовать. Они должны были умирать от голода. Правда, до этого дело почти никогда не доходило.

Доносчики, которых при социализме насчитывалось 11 миллионов, усердно работали, и при обнаружении малейших отклонений от генерального курса партии следовал донос, а затем быстрая расправа – расстрел или ссылка в Сибирь на десять лет без права переписки.

В этих условиях Тимофей Васильевич избрал такую тактику, которая дала ему возможность прожить относительно длинную жизнь, не подвергаясь суровым наказаниям. Но это было скорее исключением, а не правилом в условиях жестокой сталинской диктатуры.

Общечеловеческие качества, невключенность в общественную жизнь (неимение служебных чинов) обеспечили Тимофею Васильевичу возможность дожить до старости. Этого не удавалось другим интеллигентам, на которых писались доносы, и они, так или иначе, погибали. Своим поведением, своим отношением к советской власти Бессонов добился того, что, с одной стороны, он «пробуждал добрые чувства»

протеста и борьбы, а, с другой, делал это так, что привлечь его к ответственности было не за что – слишком благообразными и общечеловеческими были те ценности, о которых он говорил и за которые боролся.

Причем само слово «борьба» отсутствовало в его лексиконе. Употребление этого слова сразу же вызвало бы вопросы: борьба с кем, против кого? А уже отсюда с неизбежностью последовало бы наказание.

Автор книги пытался на примере образа Бессонова показать, как обстояли дела в сильной и могущественной стране в годы сталинских пятилеток. Да, были герои, добывавшие для страны много угля, выдавшие много сельскохозяйственной продукции, но были и такие, которые не пели осанны вождю, вели себя надлежащим образом, согласно их вере.

В XX веке их дети уже хорошо знали, что происходило в стране, и куда она на самом деле двигалась в социалистическом направлении.

В.И. Ленин и под его влиянием верхушка партии большевиков не поняли, что чем образованнее будет общество, тем большее количество людей будет понимать бесперспективность нового социалистического общественного строя. Получился какой-то парадокс, какой-то ступор во взглядах В.И. Ленина на общественную жизнь, который не позволил ему понять эволюционный характер изменения сознания общества и вызвал у верхушки большевиков притягательность крутых мер и способов ускорения общественного развития, которые оказались практически несостоятельными.

Как в этих условиях действовал герой книги Т.В. Бессонов, так не могли действовать все интеллигенты страны Советов. Однако такой способ действия представлял адекватную ответную реакцию на те способы функционирования и развития, которые сложились в СССР и странах народной демократии. Крах этих отношений был неизбежен в условиях роста образования и культуры советского общества.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Детство и юность будущего интеллигента	6
Глава II. Начало самостоятельного жизненного пути	21
Глава III. Т.В. Бессонов как прогнозист будущего российского общества	43
Глава IV. Последние годы жизни интеллигента	85
Эпилог	118

Издается в авторской редакции.

Издатель *П. Г. Богатырев*

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П.Г. ОГРН 304590427400071.

Подписано в печать 19.07.2019.

Бумага «ВХИ». Формат 60 х 84 1/16. Печ. л. 7,625.

Тираж 100 экз.

**Принимаем заказы на тиражирование печатной продукции
и изготовление книг и брошюр.**

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122.

Тел./факс 236–53–53

E-mail: klenprint@yandex.ru

100,00

